

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ И ИХЪ ИДЕАЛЫ.

(Окончаніе).

Связь социальнаго и политическаго строя.

Въ одну изъ добрыхъ минутъ надменный Людовикъ XIV воскликнулъ: „еслибы на то милость Божія, я попытался бы до такой степени водворить счастье въ моемъ государствѣ, что не было бы воистину болѣе ни бѣднаго, ни богатаго, такъ какъ навѣки исчезли бы между людьми всякія различія по имуществу, по призванію или по уму“. Исторія знаетъ не мало такихъ трогательныхъ словъ, но, увы, большею частью только словъ. У того же Людовика XIV въ дѣйствительности оказалось больше умѣнья разорить государство, чѣмъ осчастливить народъ. Однако было бы большой несправедливостью вивить лишь самихъ монарховъ за то, что они много говорили, но мало дѣлали для счастья народа. Еслибы неограниченные монархи попристальнѣе посмотрѣли на тѣ основы, на которыхъ покоились ихъ троны, они увидѣли бы, что среди этихъ основъ капиталъ во всѣхъ его видахъ и разнаго рода привилегіи составляютъ едва ли не центральное мѣсто. Естественно поэтому, что въ тотъ самый моментъ, когда монархъ собирался бы объявить войну капиталу и привилегированности въ защиту сѣдныхъ и слабыхъ, онъ почувствовалъ бы, какъ колеблется его тронъ, и какъ онъ самъ слабѣетъ. Идти противъ господствующихъ классовъ и буржуазіи для монарха почти тоже, что рубить сукъ, на которомъ сидишь. Неудивительно поэтому, что тотъ, кто говорилъ: „государство—это я“, въ тоже время снималъ шляпу и унижался въ своемъ версальскомъ дворцѣ передъ

евреемъ Самуиломъ Бернаромъ, тогдашнимъ Ротшильдомъ, чтобы выпросить у него заемъ. Правда, монархи вступали иногда въ борьбу съ господствующими классами, но это дѣлали они не ради низшихъ классовъ, а въ своихъ собственныхъ интересахъ, и часто, чтобы примирить съ собою сильныхъ, отдавали имъ въ жертву слабыхъ.

Вполнѣ понятно, что тѣ социальныя реформы, которыя направлены къ возможному уравниенію классовъ, не подъ силу такъ называемымъ неограниченнымъ монархамъ, какъ бы сильно ни были они проникнуты желаніями добра. Соціальная политика возможна лишь тамъ, гдѣ къ власти призванъ весь народъ, всѣ классы. Демократическія социальныя реформы требуютъ болѣе или менѣе демократическаго государственнаго строя. Вотъ почему чѣмъ радикальнѣе социально - экономическія реформы, требуемыя тѣми или другими политическими партіями, тѣмъ болѣе демократическій характеръ носятъ ихъ политическіе идеалы. Если умѣренныя партіи довольствуются конституціонной монархіей, то крайнія требуютъ демократической республики. Только въ послѣдней онѣ видятъ всѣ гарантіи для будущей побѣды пролетаріата. Напротивъ, партіи, имѣющія своею цѣлью отстоять привилегированность господствующихъ классовъ, чувствуютъ тяготѣніе къ монархическому абсолютизму.

Впрочемъ связь социальныхъ реформъ съ политическимъ строемъ въ указанномъ нами смыслѣ не слѣдуетъ преувеличивать. Исторія оставляетъ въ настоящее время внѣ всякаго сомнѣнія тотъ фактъ, что конституціонная монархія можетъ вступить на путь социальныхъ реформъ съ неменьшимъ, выражаясь скромно, успѣхомъ, чѣмъ республика. Примѣромъ этого можетъ служить Англія и Германія. На амстердамскомъ конгрессѣ германскій социаль - демократъ Бебель, отвѣчая на рѣчь французскаго социалиста Жореса, говорилъ между прочимъ. „Конечно, Германія — страна реакціонная, феодальная, полицейская страна, съ наихудшимъ правительствомъ во всей Западной Европѣ. И мы знаемъ это очень хорошо, такъ какъ кому же, какъ не намъ, приходится ежедневно бороться съ этимъ режимомъ; и мы нисколько не нуждаемся въ томъ, чтобы иностранцы приходили указывать намъ, въ какихъ плачевныхъ условіяхъ мы находимся... Какъ бы сильно мы ни завидовали вамъ, французы, вашей

республикѣ, и какъ бы мы ни желали ея для насъ, мы не стали бы разбивать изъ за нея свои головы: не стоитъ того... Монархія не такъ плоха и буржуазная республика тѣмъ болѣе не такъ ужъ хороша, какъ вы ихъ воображаете. Даже въ нашей Германіи, въ царствѣ милитаризма, аграріевъ и буржуазіи, имѣются учрежденія, которыя для вашей буржуазной республики являются пока еще идеаломъ. Взгляните на законодательство о налогахъ въ Пруссіи и другихъ союзныхъ государствахъ и сравните его съ французскимъ. Я не знаю въ Европѣ другой страны съ такой несчастной, такой реакціонной, такой эксплуататорской системой налоговъ, какъ Франція. Въмѣсто этой системы высасыванія, съ бюджетомъ въ 3½ милліарда фр., мы имѣемъ по крайней мѣрѣ прогрессивный налогъ на доходы и наслѣдства. А когда рѣчь идетъ объ осуществленіи требованій рабочаго класса, буржуазная республика выдвигаетъ всѣ свои силы противъ рабочихъ. Гдѣ видѣли вы болѣе циничное, болѣе скотское, болѣе мерзкое обращеніе съ рабочими, чѣмъ въ великой заокеанской буржуазной республикѣ, являющейся идеаломъ для столькихъ людей?.. Я завидую вашей республикѣ исключительно изъ за всеобщаго избирательнаго права при выборахъ во всѣ учрежденія. Но я говорю вамъ, не скрывая: еслибы мы имѣли такое широкое и свободное избирательное право, какъ вы, мы показали бы вамъ совсѣмъ иное, чѣмъ вы показали намъ до сихъ поръ“¹⁾. Противъ справедливости этихъ словъ едвали можно возразить что нибудь. Такимъ образомъ на почвѣ однихъ соціальныхъ требованій строить политическіе идеалы невозможно. Они отличались бы въ такомъ случаѣ крайнею неопредѣленностью и неустойчивостью. У нихъ есть свой самостоятельный критерій, который заключается въ болѣе или менѣе опредѣленныхъ юридическихъ принципахъ. Къ разсмотрѣнію послѣднихъ мы и переходимъ.

Монархическій абсолютизмъ.

Въ неограниченной монархіи вся государственная власть, законодательная, исполнительная и судебная, совмѣщается въ рукахъ одного человѣка и зависитъ отъ его только воли.

¹⁾ Амстердамскій конгрессъ. Рѣчи Геда, Бебеля и Вальяна. Стр. 7—8.

Всякій чиновникъ отъ министра до полицейскаго по идеѣ является простымъ исполнителемъ монаршей воли. „Еслибы это было возможно, говоритъ Майеръ, въ силу человѣческой природы, онъ все дѣлалъ бы самъ. Такъ остается по крайней мѣрѣ принципъ, что ни одинъ предметъ государственнаго управленія не изъять изъ области его непосредственной дѣятельности“ ¹⁾. Сосредоточивая въ своемъ лицѣ всю государственную власть, монархъ не имѣетъ надъ собою никакой другой власти, никакого обязательнаго закона, такъ какъ источникомъ законовъ является онъ самъ. Онъ руководится лишь собственнымъ усмотрѣніемъ и никому не обязанъ давать отчета. Онъ отвѣтственъ лишь передъ Богомъ, да совѣстью. Конечно „праву съ этимъ нечего дѣлать“, замѣчаетъ Майеръ. Въ неограниченной монархіи нельзя себѣ и представить такого закона, который былъ бы обязателенъ для самого монарха. Какъ скоро тотъ или другой законъ начинаетъ мѣшать извѣстнымъ цѣлямъ, онъ замѣняетъ его другимъ. „Абсолютный монархъ, говоритъ Шульце, только до тѣхъ поръ связанъ закономъ, пока законъ существуетъ, а такъ какъ законъ въ его власти, то слѣдовательно только до тѣхъ поръ, какъ онъ самъ этого захочетъ“ ²⁾. Законы священны для монарха, пока не отмѣнены; но въ отмѣнѣ закона никто и ничто ограничить его не можетъ. Правда и въ абсолютной монархіи различаются законы и правительственныя распоряженія. Но, во-первыхъ, отличаясь по своему происхожденію, они одинаково обязательны для подданныхъ; а между тѣмъ личными распоряженіями монархъ всегда можетъ отмѣнить дѣйствіе извѣстнаго закона. Во-вторыхъ, и законы въ собственномъ смыслѣ выражаютъ собою волю монарха. Онъ выслушиваетъ мнѣніе законо-совѣщательнаго учрежденія, но это мнѣніе для него необязательно.

За невозможностью для монарха осуществить принципъ абсолютизма собственными силами, является нужда въ посредствующихъ органахъ. Всѣ эти органы по идеѣ суть орудія монаршей власти. По отношенію къ подданнымъ они представляютъ самого государя и въ предѣлахъ своихъ пол-

¹⁾ Политическій строй современныхъ государствъ. Сборникъ статей. Т. 1. стр. 20.

²⁾ Ibid. Стр. 31.

номочій они юридически неограничены. Правда, административный законъ возлагаетъ извѣстные обязательства на каждого чиновника, но онъ обязываетъ его по отношенію лишь къ высшей власти, а не по отношенію къ подданнымъ. Для послѣднихъ онъ оказывается въ положеніи „государя въ миниатюрѣ“ или „маленькаго регента“, по выраженію одного нѣмецкаго писателя. Подданные обязаны повиноваться его мѣропріятіямъ безъ разсужденій. Разница лишь въ томъ, что на него можно жаловаться вышему чиновнику, который также въ предѣлахъ своихъ правъ можетъ сдѣлать все, что хочетъ ¹⁾. Такимъ образомъ и бюрократія подобно монарху оказывается внѣ закона, надъ закономъ. Будучи по идеѣ лишь орудіемъ монаршей власти, на практикѣ она становится болѣе или менѣе самостоятельной властью. Стремясь къ неограниченному господству въ административной области, бюрократія намѣренно скрываетъ отъ монарха истинное положеніе вещей, представляетъ его въ тенденціозномъ освѣщеніи, выгодномъ для ея интересовъ и власти. Вслѣдствіе этого самъ монархъ, юридически будучи неограниченнымъ, фактически становится въ зависимость отъ бюрократіи. Смотри на все ея глазами, онъ невольно диктуетъ то, что ей угодно. Такимъ образомъ монархъ остается часто номинальною властью, а вся реальная власть переходитъ къ бюрократіи. Самодержавная монархія превращается тогда въ самодержавную бюрократію.

Само собою разумѣется, что рядомъ съ неограниченными правами одного не можетъ быть мѣста какимъ нибудь неприкосновеннымъ правамъ другого. Разъ объемъ правительственной власти неограниченъ, у подданныхъ не можетъ быть правъ по отношенію къ этой власти. У такой власти можно лишь просить, но нельзя требовать. Въ случаѣ ея незаконнаго распоряженія подданный не можетъ обратиться къ суду, но можетъ жаловаться лишь по начальству, т. е. тѣмъ же органамъ, отъ которыхъ исходитъ незаконное распоряженіе. Монархъ можетъ предоставить населенію извѣстную свободу, но лишь въ той степени, какая ему въ данную минуту желательна, при чемъ за нимъ всегда сохраняется право измѣнить или отмѣнить тѣ или другія граж-

¹⁾ Ср. *ibid.* Стр. 23.

данскія права. Такимъ образомъ права эти являются не правами собственно, а свободными дарами монарха. Итакъ подданный въ абсолютной монархіи въ сущности безправенъ. Онъ несетъ обязанности по отношенію къ правительственной власти, но не имѣетъ въ отношеніи къ ней никакихъ правъ, такъ какъ она внѣ закона и надъ закономъ. Произволъ съ одной стороны и безправіе съ другой—это необходимые атрибуты монархическаго абсолютизма. Еще Кантъ назвалъ абсолютную монархію государствомъ произвола. А императоръ Александръ въ отвѣтъ на лъстивыя похвалы м-ше Сталь благодѣтельному деспотизму сказалъ: „да, сударыня, но это только счастливая случайность“.

Суверенитетъ народа.

Абсолютизмъ монарха, какъ политическій идеалъ, поконится на одномъ изъ трехъ представленій. Монархъ представляется стоящимъ 1) надъ государствомъ, 2) внѣ государства или 3) составною частью государства ¹⁾. Въ первомъ случаѣ онъ является божествомъ или намѣстникомъ божества, во второмъ—собственникомъ государства ²⁾ въ третьемъ—представителемъ государства. Легко видѣть, что всѣ эти идеи не выдерживаютъ здравой критики. Не говоря уже о томъ, что грубое понятіе о государствѣ, какъ собственности монарха, безусловно несовмѣстимо съ представленіемъ о государствѣ, какъ совокупности личностей, и религіозное представленіе о монархической власти есть очевидно остатокъ самообожанія языческихъ государей. Библия же, какъ мы говорили уже въ предисловіи, не признаетъ неограниченныхъ правъ за царскою властью и скорѣе склонна смотрѣть на монархію, какъ на форму государственнаго устройства, наименѣе соотвѣтствующую ея религіознымъ и нравственнымъ идеаламъ ³⁾. Что касается болѣе естественнаго и болѣе распространеннаго въ настоящее время представленія о монархѣ,

¹⁾ Еллинекъ. Право современнаго государства. Стр. 447.

²⁾ Людовикъ XIV говорилъ: „все, находящееся на протяженіи нашихъ государствъ, какой бы природы оно ни было, все принадлежитъ намъ на одинаковомъ основаніи“.

³⁾ См. нашу статью „Библия и царская власть“ въ Бог. Вѣстн. 1905. Ноябрь.

какъ представитель государства или народа, то оно скрываетъ въ себѣ то самое, что силится отрицать. Въ какой бы формѣ ни мыслилась эта представительная роль монарха, во всякомъ случаѣ основной и источникомъ его власти является не самъ монархъ, а то, что онъ представляетъ, т. е. государство или народъ. Утверждая свою власть на волю народа и въ тоже время ставя ее внѣ зависимости отъ народа, монархическій абсолютизмъ содержитъ въ себѣ внутреннее непримиримое противорѣчіе. „Если даже понимать абсолютную монархію въ самомъ благородномъ смыслѣ слова, говоритъ фонъ-Трейчке, въ формѣ просвѣщеннаго абсолютизма, гдѣ одинъ человѣкъ стоящій во главѣ, только для того снабженъ громадною властью, чтобы тѣмъ энергичнѣе содѣйствовать благосостоянію народа, то и здѣсь очень скоро выясняется необходимость править не только для народа, но и при помощи народа, такъ, чтобы населеніе тѣмъ или другимъ путемъ принимало участіе въ управленіи государствомъ“ ¹⁾.

Для того, чтобы уяснить себѣ, кому именно принадлежитъ въ государствѣ первоначальная верховная власть, или суверенитетъ, извѣстный американскій государствовѣдъ Вудроу Вильсонъ вмѣсто всякихъ отвлеченныхъ разсужденій рекомендуетъ обратиться къ простому примѣру. Въ Англіи суверенитетъ приписывается обыкновенно законодательной власти—парламенту, дѣйствующему съ согласія короля. Все, что предписывается парламентскимъ актомъ, получаетъ силу закона, хотя бы онъ противорѣчилъ принципамъ конституціоннаго права. Такова теорія. Но представьте себѣ, что парламентъ въ одинъ прекрасный день вздумалъ нарушить эти принципы. Нѣтъ сомнѣнія, что его постановленіе было бы отвергнуто народомъ и не получило бы силы закона, а члены парламента, виновные въ немъ, были бы немедленно исключены изъ него. Отсюда ясно, что даже парламентъ не полный властелинъ; его постановленія имѣютъ силу постольку, поскольку они толкуютъ волю народа или по крайней мѣрѣ не противорѣчатъ ей ²⁾. Тоже самое конечно слѣдуетъ сказать и о монархѣ. Его неограниченная власть, признаваемая

¹⁾ Политическій строй. Стр. 1.

²⁾ Государство. Стр. 534—535.

юридически, фактически связана такъ или иначе волей народа. Если бы монархъ рѣшился идти противъ воли всего народа, онъ могъ бы быть лишень своей власти. Такимъ образомъ очевидно, что первоначальная верховная власть принадлежитъ собственно народу. Государи же и парламенты являются лишь органами ея. Суверенитетъ, какъ говорить теперь, *принадлежитъ* государству или народу и лишь *осуществляется* парламентомъ и монархомъ ¹⁾.

Избирательное право.

Если суверенитетъ принадлежитъ народу, то законодательство должно быть выраженіемъ воли народа. Однако народъ не имѣетъ физической возможности непосредственно осуществлять свою власть. Онъ можетъ это дѣлать лишь чрезъ посредство своихъ представителей: „Такъ какъ въ свободномъ государствѣ, говоритъ Монтескье, всякій человѣкъ, который почитается имѣющимъ свободную душу, долженъ управлять самъ собою, то весь народъ въ цѣломъ долженъ обладать законодательною властью; но такъ какъ это невозможно въ большихъ государствахъ и сопряжено съ многими неудобствами въ маленькихъ, то нужно, чтобы народъ дѣлалъ чрезъ своихъ представителей все то, чего онъ не можетъ дѣлать самъ“ ²⁾. Изъ того, что представители народа призваны осуществлять не свои собственные права, а полномочія, полученныя отъ народа, т. е. отъ всей совокупности составляющихъ государство лицъ, само собою вытекаютъ слѣдующіе выводы.

1. Какъ активное (право избирать), такъ и пассивное (право быть избираемымъ) избирательное право ни въ какомъ случаѣ не должно связываться съ какими-либо сословными и имущественными ограниченіями. Всякое ограниченіе подобнаго рода дѣлаетъ народныхъ представителей выразителями интересовъ не цѣлаго народа, не всей совокупности гражданъ, а только имущихъ и господствующихъ классовъ, что

¹⁾ Третья статья деклараціи правъ гласитъ: „основа всякаго верховенства по самому существу своему покоится въ народѣ. Никакое учрежденіе и никакое лицо не могутъ осуществлять власти, которая не исходила бы отъ него именно“.

²⁾ Духъ законовъ. Кн. IX. Гл. VI.

противорѣчить идеѣ народнаго представительства. Имущественный цензъ сохранился въ настоящее время лишь въ очень немногихъ государствахъ: въ Венгріи, Кроаціи, Швеціи, Люксембургѣ, Сербіи и отчасти въ Англіи, гдѣ онъ сводится къ требованію самостоятельнаго домохозяйства. Нельзя признать справедливымъ и требованіе осѣдлости отъ избирателя, вошедшее въ нашъ избирательный законъ, такъ какъ оно является замаскированнымъ имущественнымъ цензомъ. Оно тѣмъ болѣе нежелательно у насъ въ Россіи, гдѣ значительная часть населенія, одна лѣтомъ, другая зимой, живетъ отхожимъ промысломъ. По петербургской переписи 1890 г. въ числѣ жителей Петербурга оказалось 51.779 мужчинъ старше 16 лѣтъ, поселившихся въ столицу въ годъ переписи. По статистикѣ 80-хъ годовъ въ Тверской губерніи изъ 100 наличныхъ работниковъ 41 находили себѣ занятіе въ отхожихъ промыслахъ. Такимъ образомъ нашъ избирательный законъ, требующій осѣдлости въ одинъ годъ для горожанъ, долженъ лишить избирательнаго права довольно значительную часть трудового населенія. Во избѣжаніе массовыхъ передвиженій избирателей изъ одного округа въ другой, на опасность которыхъ указывалъ напр. М. Ковалевскій, достаточно установить окончательное составленіе избирательныхъ списковъ за 2—3 недѣли до выборовъ. Едва ли можно указать какія либо серьезныя принципиальныя причины къ устраненію отъ выборовъ и женщинъ, хотя повсюду за исключеніемъ нѣкоторыхъ американскихъ штатовъ, Новой Зеландіи и Южной Австраліи женщина до сихъ поръ еще приравнивается въ этомъ отношеніи къ дѣтямъ и умалишеннымъ. Всѣ доводы противъ избирательнаго права женщинъ, какъ справедливо замѣтилъ знаменитый защитникъ женскихъ правъ Д. С. Милль, сводятся къ однимъ междоуміямъ. Если избирательное право не мѣшаетъ мужчинамъ посвящать своимъ занятіямъ почти все свое время, то нѣтъ поводовъ опасаться, что оно отвлечетъ женщину отъ ея дѣла. Съ другой стороны, если въ женщинѣ дѣйствительно хотятъ видѣть товарища мужа, его надежнаго совѣтника, то странно отстранять ее отъ вопросовъ общественной и государственной жизни. Думать же, что нравственное вліяніе женщины на общественную жизнь не можетъ быть полезно, думать такъ, во-первыхъ, неспра-

ведливо, во-вторыхъ непослѣдовательно, разъ ей ввѣряется нравственное воспитаніе будущихъ поколѣній. Единственно законнымъ слѣдуетъ признать устраненіе отъ выборовъ лицъ, не достигшихъ извѣстнаго возраста, гарантирующаго умственную и нравственную зрѣлость, лишенныхъ гражданской правоспособности по суду или вслѣдствіе болѣзни и пожалуй состоящихъ на военной службѣ. Въ большей части странъ (во Франціи, Англіи, Греціи, Италіи, Португаліи, Сѣверо-Американскихъ Штатахъ и др.) для избирателей требуется 21-лѣтній возрастъ, въ Австріи—24 года, въ Бельгіи, Германіи, Пруссіи и др. 25 л., въ Даніи даже 30 лѣтъ. По нашему закону необходимъ 25-лѣтній возрастъ. Нельзя сказать, чтобы требованіе такого возраста гармонировало съ общимъ закономъ, признающимъ совершеннолѣтними и способными къ военной службѣ всѣхъ гражданъ, достигшихъ 21 года. Надо имѣть въ виду отличительныя черты возраста отъ 21 до 25 лѣтъ, чтобы понять, что теряетъ государство, и что приобретаетъ правительство, устраняя отъ выборовъ молодыхъ людей.

2. Принципъ единого національнаго суверенитета требуетъ собственно, чтобы каждый депутатъ избирался всѣмъ народомъ, подобно тому, какъ избирается президентъ Соединенныхъ Штатовъ, и лишь въ силу физической необходимости избраніе представителей производится группами лицъ, по округамъ. Однако эти группы дѣйствуютъ отъ имени всего народа, и депутаты, избранные ими, являются представителями отнюдь не этихъ группъ, но всей націи. Отсюда понятно, что депутатъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть рассматриваемъ, какъ представитель мѣстныхъ интересовъ, выразитель классовыхъ или корпоративныхъ желаній, защищающій лишь выгоды избранной его группы. Онъ получаетъ полномочія отъ всей націи и потому долженъ представлять ея интересы. Поэтому депутаты не могутъ быть избираемы группами, объединенными классовыми и экономическими интересами, напр. рабочими синдикатами, классами землевладѣльцевъ и т. д. Классовые выборы, противорѣча принципу національнаго суверенитета, въ тоже время нарушаютъ равенство избирательнаго права. Такъ какъ избирательное право есть принадлежность лица, а отнюдь не имущества, то всѣ граждане должны имѣть безусловно оди-

наковое право выбора, точно такъ же, какъ они имѣютъ одинаковое право на свободу вѣры, слова и т. д. Отсюда каждое лицо должно имѣть не только одинъ, но и одинаковый голосъ. Если 100 землевладѣльцевъ избираютъ одного депутата и 1000 крестьянъ тоже одного депутата, то очевидно голосъ землевладѣльца равенъ 10 голосамъ крестьянъ. Точно также, если въ выборѣ одного и того же депутата участвуютъ 10 землевладѣльцевъ, имѣющихъ по 500 десятинъ земли, 10 уполномоченныхъ отъ ста мелкихъ землевладѣльцевъ и 10 уполномоченныхъ отъ 10000 крестьянъ, то, очевидно, голосъ одного крупнаго землевладѣльца будетъ равносильнъ 1000 крестьянскихъ голосовъ¹⁾. Послѣдній случай имѣетъ мѣсто въ нашемъ избирательномъ законѣ. Его цѣль поддержаніе политическаго вліянія господствующихъ классовъ. Она очень откровенно указывается въ самой объяснительной запискѣ къ закону. „При данной системѣ, читаемъ мы здѣсь, группы населенія доходятъ до Государственной Думы въ томъ же примѣрно численномъ соотношеніи, въ какомъ степень вліянія этихъ классовъ проявляется въ дѣйствительной жизни“. Подъ „степенью вліянія“ слѣдуетъ разумѣть конечно состоятельность и привилегированность извѣстныхъ классовъ. Нашъ законъ слѣдовательно обслуживаетъ преимущественно интересы богатыхъ и привилегированныхъ особъ.

3. Равенство избирательнаго права требуетъ непосредственнаго участія каждаго гражданина въ выборѣ депутата. Если всѣ граждане имѣютъ одинаковое право въ избраніи народнаго представителя, то нѣтъ основаній лишать ихъ возможности лично осуществлять это право, разъ этому не препятствуетъ физическая невозможность. Непрямая подача голосовъ, вводя третьихъ лицъ между населеніемъ и депутатами, искусственно преломляетъ такъ сказать народную волю и въ тоже время нарушаетъ равенство между избирателями, придавая преувеличенное значеніе избирателямъ второй и третьей степени. Страдая принципиальными недостатками, косвенные выборы и практически оказываются

¹⁾ По нашему подсчету изъ 5826 выборщиковъ для 51 губ. 2530 избираются сѣздами уполномоченныхъ отъ волостей т. е. крестьянъ, свыше 1950—сѣздами землевладѣльцевъ и ок. 1340—городскими избирателями.

мало цѣлесообразными. Тамъ, гдѣ примѣняются они, какъ показаль опытъ, въ выборщики попадають обыкновенно тѣ лица, которыя обѣщаютъ голосовать за извѣстныхъ депутатовъ. Съ другой стороны косвенные выборы даютъ больше возможности для злоупотребленій со стороны администраціи и состоятельныхъ лицъ, такъ какъ легче склонить въ пользу того или другого кандидата незначительное количество выборщиковъ, чѣмъ массу избирателей. Вотъ почему прямые выборы приняты въ настоящее время большей частью государствъ, Англіей, Франціей, Бельгіей, Германіей, Швейцаріей, Италіей, Венгріей, Даніей, Испаніей и др.; косвенные же практикуются въ немногихъ нѣмецкихъ государствахъ и частью въ Австріи, Швеціи, Кроаціи и Румыніи. Нашъ избирательный законъ, устанавливающий двухстепенные, трехстепенные и даже четырехстепенные выборы, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, вмѣсто того, чтобы воспользоваться опытомъ другихъ странъ, повторяетъ ихъ прежнія ошибки.

4. Къ указаннымъ нормамъ избирательнаго права присоединяется еще чисто практическое, но весьма важное требованіе тайной подачи голосовъ, гарантирующее независимость экономически-подавленныхъ массъ избирателей. Тайное голосованіе примѣняется теперь повсюду, кромѣ Венгріи и Даніи. Всѣ вышеизложенныя нормы избирательнаго права принято выражать формулой всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосовъ.

Что касается теперь отношенія нашихъ политическихъ партій къ избирательному вопросу, то всѣ лѣвыя партіи (умѣренно-прогрессивная, конституціонно-демократическая, партія свободомыслящихъ и крайнія) настаиваютъ на всеобщей, прямой, равной и тайной подачѣ голосовъ. Партія правоваго порядка и торгово-промышленная ничего не говорятъ объ избирательномъ правѣ, прогрессивно-экономическая и „Союзъ 17 октября“ ограничиваются лишь требованіемъ общаго избирательнаго права. Само собою разумѣется, что въ программахъ монархическихъ партій не можетъ быть никакой рѣчи объ избирательномъ правѣ.

Одна палата или двѣ?

Принципъ народнаго суверенитета требуетъ повидимому одной палаты. На самомъ дѣлѣ, если законодательство есть

проявленіе единой народной воли, то нельзя давать послѣдней одновременно два противорѣчивыхъ выраженія. Нельзя себѣ представить, чтобы въ двухъ законодательныхъ собраніяхъ народъ въ одно и тоже время говорилъ и да, и нѣтъ. т. е. имѣлъ двѣ воли. Къ этому теоретическому доводу въ пользу одной палаты присоединяется и то практическое соображеніе, что система двухъ палатъ служитъ обыкновенно тормазомъ для политическаго и соціальнаго прогресса, то замедляя вотированіе законовъ, то препятствуя проведенію важныхъ реформъ и т. д. Нельзя сказать однако, чтобы эти доводы были слишкомъ убѣдительны. Въѣрняя законодательную власть двумъ палатамъ, народъ выражаетъ свою волю не порознь въ каждой изъ нихъ, а въ ихъ гармоническомъ единеніи, въ ихъ взаимномъ согласіи. Слѣдовательно и здѣсь воля народная—одна, одно и представительство народного суверенитета. Что касается задерживающаго вліянія второй палаты, то его признать необходимо; но оно приноситъ въ результатъ больше пользы, чѣмъ вреда. При одномъ собраніи даже и мало обдуманная и ошибочная рѣшенія могли бы немедленно получить силу закона и принести государству непоправимый вредъ. Перерѣшенія палаты, вызванныя сознаніемъ ошибки, внося неустойчивость въ жизнь государства, въ то же время служатъ къ ослабленію авторитета законодательнаго собранія. Система двухъ палатъ является хорошимъ средствомъ противъ законодательнаго увлеченія и гарантируетъ отъ опасныхъ промаховъ. Особенно полезна она тамъ, гдѣ народъ не имѣетъ еще политической зрѣлости и уравниловки. Помимо этого существованіе двухъ палатъ имѣетъ свой *raison d'être* и съ точки зрѣнія принципа обособленія властей, о которомъ мы скажемъ ниже. Законодательная власть по самой природѣ своей сильнѣе всѣхъ другихъ властей. Посредствомъ законовъ она регулируетъ ихъ дѣятельность, а чрезъ вотированіе налоговъ можетъ совсѣмъ пріостановить ее. И какъ это бываетъ всегда, будучи доминирующей въ государствѣ, она стремится еще болѣе расширить поле своей дѣятельности и своихъ правъ. „Замѣчено, говоритъ Story, что законодательная власть постоянно расширяетъ во всѣхъ направленіяхъ сферу своей дѣятельности и втягиваетъ всю власть въ свой стремительный водоворотъ. Если законодательная власть находится

безраздѣльно въ одномъ собраніи, то на практикѣ не существуетъ болѣе никакихъ ограниченій для безпредѣльнаго проявленія этой власти; нѣтъ больше никакихъ преградъ для какой бы то ни было узурпаціи съ ея стороны, которую она будетъ стараться оправдывать необходимостью или высшими соображеніями общественнаго блага“ ¹⁾. Что подобныя опасенія не плодъ одного воображенія, въ этомъ легко убѣдиться, припомнивъ исторію французскаго Конвента и англійскаго Долгаго парламента. Система двухъ палатъ умѣряетъ силу законодательной власти, обезпечиваетъ извѣстную независимость исполнительной власти и въ тоже время служить буферомъ при неизбѣжныхъ столкновеніяхъ между ними, предохраняя государство отъ опасныхъ переворотовъ. „Необходимость двухъ палатъ, говоритъ Брайсъ, стала теперь аксіомой политической науки“ ²⁾. Двухпалатная система принята почти во всѣхъ представительныхъ государствахъ. Все это однако нисколько не говоритъ за то, что верхняя палата должна формироваться именно такимъ образомъ, какимъ она формируется въ настоящее время. Принципъ народнаго суверенитета требуетъ, чтобы она состояла изъ выборныхъ членовъ. Для придавія же ей большей устойчивости можно установить болѣе зрѣлый возрастъ для ея членовъ, болѣе продолжительный срокъ полномочій и т. д.

Вполнѣ понятно, что социалистическія партіи, мечтающія о мирной революціи рабочаго класса, и радикалы, имѣющіе тяготѣніе къ социалистическимъ идеаламъ, естественно должны настаивать на однопалатной системѣ. Вторая палата, хотя бы она состояла изъ выборныхъ представителей, должна казаться имъ лишнимъ препятствіемъ, нежелательнымъ тормазомъ при осуществленіи ихъ конечной цѣли. Всѣ прочія партіи, стоящія на почвѣ конституціи, требуютъ двухпалатной системы, одобренной и признанной долговременнымъ опытомъ Западной Европы. Исключеніе составляютъ партія конституціонно - демократическая и партія свободомыслящихъ, оставляющія вопросъ о двухъ или одной палатѣ открытымъ. Это служить очевиднымъ признакомъ присутствія въ этихъ партіяхъ радикальнаго элемента.

¹⁾ А. Эсменъ. Общія основанія конституціоннаго права. Перев. подъ ред. В. Дерюжинскаго. 1898. Стр. 56.

²⁾ *ibid.*

Референдумъ и народная инициатива.

Если физически невозможно прямое участіе народа въ законодательномъ творчествѣ по примѣру древнихъ демократій, гдѣ законы постановлялись на общенародныхъ собраніяхъ, то нельзя ли предоставить народу право окончательной санкціи выработанныхъ законодательнымъ собраніемъ проектовъ? Мысль о всенародномъ голосованіи по крайней мѣрѣ важнѣйшихъ законовъ была примѣнена на практикѣ во Франціи, Америкѣ и особенно Швейцаріи. Во Франціи прямое голосованіе нѣсколько разъ практиковалось въ отношеніи къ конституціонному законодательству, однако всякій разъ неудачно. Двѣ конституціи, утвержденныя народнымъ голосованіемъ, совсѣмъ не были приведены въ дѣйствіе, третья (1870 г.) просуществовала лишь 3 мѣсяца. Въ Америкѣ прямое голосованіе примѣняется лишь въ отдѣльных штатахъ, но въ пересмотрѣ федеральной конституціи народъ не участвуетъ. Родиной прямого законодательства слѣдуетъ считать Швейцарію, гдѣ оно существуетъ не только въ отдѣльных кантонахъ, но и въ союзномъ правленіи. Развившись изъ стариннаго обычая для рѣшенія важнѣйшихъ вопросовъ созывать общенародныя собранія или опрашивать все населеніе, оно выражается здѣсь въ настоящее время въ двухъ формахъ, въ формѣ референдума и народной инициативы. Первый состоитъ въ томъ, что проектъ законодательнаго собранія представляется на судъ всего народа, который выражаетъ свое одобреніе или неодобреніе по большинству голосовъ, вторая даетъ право извѣстному количеству гражданъ требовать опроса всего народа относительно той или другой предлагаемой ими реформы. Что касается результатовъ прямого законодательства, то въ общемъ ихъ слѣдуетъ признать скорѣе удовлетворительными. „Семнадцать лѣтъ состою я въ числѣ представителей швейцарскаго народа, говоритъ Курти, и я убѣжденъ, что референдумъ лишь мало добрыхъ намѣреній помѣшалъ намъ осуществить, но, несомнѣнно, предотвратилъ не одно зло тѣмъ, что стоялъ передъ нами въ качествѣ предостереженія“ ¹⁾. Эссенъ, вообще довольно скептически относящійся

¹⁾ Исторія народнаго законодательства и демократіи въ Швейцаріи. Перев. Львовича. 1900. Стр. 238.

къ референдуму, долженъ былъ признать, „что народъ чаще всего высказываетъ себя вообще мудрымъ, далекимъ отъ крайнихъ тенденцій и экономичнымъ въ отношеніи къ общественнымъ средствамъ“ ¹⁾. Правда, указываютъ на два вредныхъ слѣдствія прямого законодательства, именно на постепенное уменьшеніе количества голосующихъ, что свидѣтельствуется повидимому о развивающемся индифференцизмѣ народа, и на паденіе авторитета законодательныхъ собраній, что въ свою очередь можетъ вредно отозваться на качествѣ ихъ работы ²⁾. Но оба эти опасенія повидимому напрасны ³⁾. Во всякомъ случаѣ опытъ Швейцаріи все болѣе и болѣе привлекаетъ къ себѣ симпатіи Западной Европы. Даже Лордъ Сольсбери въ 1894 г. говорилъ въ одной рѣчи: „референдумъ есть во всякомъ случаѣ честная процедура. Я думаю, что онъ вполне оправдалъ ожиданія—въ Швейцаріи подѣ очень широкой формой, а въ Соединенныхъ Штатахъ—подѣ формой очень ограниченной. Я ни въ какомъ случаѣ не расположенъ сказать что-нибудь противъ него. Я думаю, что въ формѣ, подѣ которой онъ существуетъ въ Соединенныхъ Штатахъ, онъ рѣшительно полезенъ для хорошаго правленія и для устойчивости страны“ ⁴⁾. Однако референдумъ имѣетъ гораздо больше враговъ, чѣмъ друзей. Обыкновенно находятъ, что огромное большинство народа, будучи способно выбирать представителей и такимъ образомъ направлять законодательство, въ тоже время не способно произвести должную оцѣнку законовъ. Ему недостаетъ для этого, какъ говоритъ Сіэйсъ, двухъ необходимыхъ условій: образованія, чтобы понимать проекты, и досуга, чтобы ихъ изучать ⁵⁾. Другіе прибавляютъ къ этому, что толпа вслѣдствіе именно того, что она толпа, вообще неспособна на обдуманное рѣшеніе. Лишь немногіе размышляютъ и высказываютъ свои взгляды, громадное же большинство принимаетъ рѣшеніе другихъ по мотивамъ, ничего общаго съ дѣломъ не имѣющимъ.

¹⁾ Общія основанія конст. права. Стр. 220.

²⁾ Ibid.

³⁾ Курти. Указ. соч. Стр. 237.

⁴⁾ Эсменъ Указ. соч. Стр. 221.

⁵⁾ Ibid. Стр. 195.

Едва ли можно возражать въ принципѣ противъ громадной важности и законности референдума. Не легко доказать и его практическую непримѣнимость вообще. Но что можно сказать съ увѣренностью, думается намъ, такъ это то, что въ странѣ, гдѣ народъ до послѣдняго момента совершенно не зналъ ни политической, ни гражданской свободы, не успѣлъ еще развить въ себѣ чувства законности и права, едва ли можно сразу давать ему столь отвѣтственную роль. Въ 1879 году подъ вліяніемъ возмутительнаго убійства, взволновавшаго все населеніе Швейцаріи, народъ потребовалъ восстановленія смертной казни, запрещенной конституціей 1874 года ¹⁾. Если подобные случаи возможны у политически зрѣлаго народа, цѣлыми вѣками воспитывавшаго въ себѣ чувство права и законодательной отвѣтственности, то понятно, какую опасностью можетъ грозить право референдума и народной инициативы при первомъ выступленіи народа въ роли политическаго дѣятеля. Вотъ почему требованіе референдума крайними партіями надо признать преждевременнымъ.

Отношеніе законодательной власти къ исполнительной.

Представьте себѣ какую-нибудь сложную машину, которая непрерывно дѣйствуетъ, на которую всѣ любятъ, но механизма которой никто въ точности не знаетъ. Нѣчто подобное представляетъ собою англійская конституція. По общему мнѣнію она даетъ наиболѣе удачное разрѣшеніе политической проблемы, настолько удачное, что всѣ существующія конституціи Стараго и Новаго свѣта въ ней имѣютъ свои корни, а между тѣмъ до сихъ поръ сущность ея въ значительной степени остается секретомъ. Фактическая сторона ея, т. е. извѣстныя права и отношенія палатъ, короля, министровъ и т. д., извѣстны теперь едва ли не всякому образованному человѣку, но какой раціональный принципъ лежитъ въ основѣ ея, самые выдающіеся умы расходились въ этомъ вопросѣ до противоположности. Если Монтескье и вся огромная масса его приверженцевъ скрытую пружину англійской конституціи видѣли и видятъ въ принципѣ раз-

¹⁾ Курти. Указ. соч. Стр. 227—228.

дѣленія властей, то такой тонкій знатокъ англійскаго государственнаго права, какъ Беджготъ, находитъ ее наоборотъ въ сліяніи ихъ.

Въ основѣ ученія Монтескье о раздѣленіи властей лежала мысль о необходимости ограниченія одной власти другою. „Вѣчный опытъ показываетъ, говоритъ онъ, что всякій человѣкъ, имѣющій власть, склоненъ злоупотреблять ею: онъ въ этомъ направленіи идетъ до тѣхъ поръ, пока не встрѣтитъ границъ. Кто бы повѣрилъ этому? Но сама добродѣтель нуждается въ границахъ. Для того, чтобы нельзя было злоупотреблять властью, потребно такое положеніе вещей, при которой одна власть удерживала бы другую власть“ ¹⁾. Такое ограниченіе властей достигается ихъ раздѣленіемъ. „Когда въ одномъ и томъ же лицѣ или въ одной и той же коллегіи, разсуждаетъ Монтескье, законодательная власть соединена съ исполнительной, тогда нѣтъ свободы, такъ какъ можно опасаться, что такой монархъ или такой сенатъ будутъ издавать тиранническіе законы, чтобы тираннически приводить ихъ въ исполненіе. Не существуетъ свободы и тогда, когда власть судить не отдѣлена отъ власти законодательной и исполнительной. Еслибы она была присоединена къ законодательной власти, то власть надъ жизнью и свободой гражданъ была бы произвольна, ибо судья былъ бы законодателемъ. Еслибы она была присоединена къ исполнительной власти, то судья имѣлъ бы силу притѣснителя. Наконецъ, все погибло бы, еслибы одинъ и тотъ же человѣкъ или одинъ и тотъ же корпусъ сановниковъ, или знатныхъ, или народа, отправлялъ всѣ три власти—власть создавать законы, власть приводить въ исполненіе общественныя рѣшенія и власть судить преступленія или споры частныхъ лицъ“ ²⁾.

Теорію Монтескье, не смотря на ея огромный успѣхъ и громадное политическое вліяніе, нѣкоторые оспариваютъ какъ съ теоретической, такъ и съ исторической стороны. Ему возражали, что отправленіе всѣхъ функцій обязательно требуетъ единства направленія и сконцентрированной отвѣтственности; но ни того, ни другого не можетъ быть при раз-

¹⁾ Духъ законовъ. Кн. IX. Гл. IV.

²⁾ Духъ законовъ. Кн. XI. Гл. VI.

дѣленіи властей. Да и фактически такое раздѣленіе неосушествоваемо. Всегда и вездѣ какая-нибудь власть, обыкновенно законодательная, беретъ верхъ надъ всѣми остальными и даетъ имъ направленіе. Но всѣ эти и подобныя возраженія направлены собственно противъ абсолютнаго раздѣленія властей, противъ ихъ полной уравниваемости, къ чему дѣйствительно былъ склоненъ Монтескье. Но ни необходимость единства дѣятельности, ни доминирующая роль законодательной власти не говорятъ противъ такого раздѣленія властей, которое требуетъ, чтобы онѣ были ввѣрены разнымъ органамъ и притомъ независимымъ, чтобы ни одна изъ этихъ властей не могла смѣнить органъ другой власти. Такая независимость властей, не нарушая единства ихъ направленія, даетъ имъ возможность взаимно контролировать другъ друга и служить надежной защитой гражданской и политической свободы.

Въ такомъ именно обособленіи властей и заключается главное условіе правового порядка. Правовой строй, въ которомъ правительственная власть имѣетъ не только права, но и обязанности по отношенію къ подданнымъ, и наоборотъ подданные имѣютъ не одни обязанности, но и права въ отношеніи къ правительству, такой строй очевидно возможенъ лишь въ томъ случаѣ, если исполнительная власть подчинена закону, если она не можетъ его ни измѣнить, ни отмѣнить. Но это въ свою очередь предполагаетъ, что законодательная и исполнительная власти не соединены въ одномъ лицѣ или въ одной коллегіи, а обособлены, и притомъ такъ, чтобы исполнительная власть являлась подчиненною по отношенію къ законодательной. Но одного обособленія исполнительной власти отъ законодательной недостаточно для осуществленія полнаго правопорядка. Исполнительная власть своими распоряженіями и дѣйствіями можетъ идти въ разрѣзъ съ законами, парализовать и нарушать ихъ. Единственной гарантіей подзаконности правительственной власти можетъ быть лишь отвѣтственность ея передъ судебною властью за всякое незаконное распоряженіе и дѣйствіе. Но эта гарантія можетъ быть дѣйствительна лишь въ томъ случаѣ, если судебная власть обособлена отъ исполнительной и подобно ей подчинена законодательной власти.

Если разсматривать съ точки зрѣнія принципа обособленія властей существующія конституціи, то ихъ можно свести къ двумъ главнымъ типамъ. Одинъ изъ нихъ, такъ называемый дуалистическій типъ, свойственный Соединеннымъ Штатамъ, Пруссіи и большей части германскихъ государствъ, болѣе строго проводитъ указанный принципъ. Исполнительная власть здѣсь независима отъ законодательной. Министры являются простыми агентами короля или президента, который избираетъ ихъ и увольняетъ по своему желанію. Законодательное собраніе не можетъ ни выразить имъ порицанія, ни смѣстить ихъ. Правда, министры должны давать объясненія, когда того пожелаетъ представительное собраніе; но эти объясненія не могутъ имѣть для нихъ какого-нибудь ошутительнаго результата. На всѣ запросы собранія министры могутъ сказать подобно Бисмарку: „мы министры короля, а не ваши“, наше намѣреніе и долгъ выполнять волю короля, а не вашу. Но съ другой стороны и исполнительная власть не принимаетъ участія въ законодательствѣ и не имѣетъ законодательной инициативы. Впрочемъ въ качествѣ отступленія отъ общаго принципа подъ вліяніемъ англійской конституціи президенту Соединенныхъ Штатовъ предоставлено право veto. Онъ можетъ отказаться отъ обнародованія принятаго закона. Въ такомъ случаѣ послѣдній снова поступаетъ на разсмотрѣніе палатъ, и если за него выскажутся двѣ трети каждой палаты, то президентъ обязанъ обнародовать его. Это veto соответствуетъ очевидно роспуску палаты въ Англіи. Въ Пруссіи и Германіи мы видимъ еще больше отступленій такого рода. Король прусскій принимаетъ участіе въ законодательныхъ вопросахъ и имѣетъ неограниченное право роспуска ландтага. Онъ можетъ распустить его даже ранѣе начала сессіи, если составъ ландтага кажется ему нежелательнымъ.

Другой типъ конституціи, называемый парламентарнымъ и привятый въ настоящее время по образцу Англіи въ большей части европейскихъ государствъ, смягчаетъ раздѣленіе властей. Правда и здѣсь законодательная и исполнительная власти юридически отдѣлены другъ отъ друга, и каждая имѣетъ свой особый и независимый органъ. Но здѣсь исполнительная власть ввѣряется монарху (или президенту), который отъ своего имени въ предѣлахъ закона править стра-

ною. Ему формально предоставлено и право избранія и увольненія министровъ. Итакъ мы видимъ здѣсь повидимому тоже раздѣленіе властей, что и въ дуалистической конституціи. На самомъ же дѣлѣ это не такъ. Право назначенія министровъ обставлено здѣсь такими условіями, что главѣ исполнительной власти приходится обыкновенно лишь утверждать кандидатовъ, желательныхъ законодательному собранію. Происходитъ это оттого, что министры являются здѣсь политически отвѣтственными передъ законодательнымъ собраніемъ, т. е. несутъ отвѣтственность передъ нимъ не только за нарушеніе законовъ, но и за вредную для государства политику. Политическая отвѣтственность министровъ сама собою вызываетъ необходимость полной солидарности ихъ съ направленіемъ большинства законодательнаго собранія. При отсутствіи такой солидарности министры лишаются поддержки парламента, теряютъ его довѣріе и волей-неволей должны уступать свое мѣсто другимъ. Въ случаѣ ихъ упорства представительное собраніе можетъ вынудить ихъ къ выходу въ отставку посредствомъ отказа въ годовомъ бюджетѣ. Благодаря этимъ условіямъ главѣ исполнительной власти остается поручать образованіе кабинета лидеру господствующей партіи. Образованный такимъ образомъ кабинетъ дѣйствуетъ всегда сообща и несетъ коллективную отвѣтственность за каждого министра. Недовѣріе, выраженное парламентомъ одному министру въ дѣлахъ общей политики, влечетъ обыкновенно отставку всего кабинета. Эта зависимость министровъ отъ законодательной власти распространяется косвеннымъ образомъ и на главу исполнительной власти. Самъ по себѣ глава правительства не отвѣтственъ. „Король не можетъ быть не правъ“, это одинъ изъ основныхъ принциповъ англійской конституціи. „Еслибы королева, говоритъ Дайси, сама прострѣлила голову первому министру, никакой судъ въ Англіи не могъ бы преслѣдовать ее за это“ ¹⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ отсюда естественно вытекаетъ положеніе, что никто не въ правѣ ссылаться на повелѣніе короля въ оправданіе своихъ дѣйствій. Всякій, со-

¹⁾ Основы государственнаго права Англіи. Перев. Полторацкой. 1905. Стр. 29.

вершающій поступокъ по приказу короля, лично несетъ за него отвѣтственность. Изъ этой идеи возникъ ставшій обязательнымъ обычай, чтобы каждый актъ короля совершался непременно при участіи одного изъ министровъ, который лично и отвѣчаетъ за него. „Король никогда не можетъ дѣйствовать одинъ“, стало общимъ правиломъ. Здѣсь мы видимъ весьма удачное рѣшеніе трудной проблемы объ отвѣтственности исполнительной власти. Оставить ее внѣ отвѣтственности значитъ ничѣмъ не гарантировать исполненіе законовъ и политическую свободу гражданъ. Исторія знаетъ не мало примѣровъ, когда главы исполнительной власти, особенно монархи, нарушали конституціонные законы. Съ другой стороны подчинить исполнительную власть отвѣтственности передъ законодательнымъ собраніемъ значитъ лишить ее самостоятельности и дать поводъ постоянно колебать необходимое для правильнаго теченія государственной жизни довѣріе къ монарху или президенту. Уже простая критика дѣйствій того и другого вызываетъ опасное волненіе въ народѣ, а низложеніе главы государства равносильно революціи. Это вѣрно не только по отношенію къ монарху, но даже и относительно президента республики, обыкновенно несмѣняемому до истеченія срока его полномочій. Отвѣтственность министровъ въ связи съ обязательнымъ участіемъ ихъ въ каждомъ актѣ главы исполнительной власти даетъ остроумный выходъ изъ указаннаго затрудненія. Но не уничтожается ли такимъ образомъ самостоятельность исполнительной власти? Въ конечномъ итогѣ глава правительства оказывается повидимому совершенно номинальною властью. Она вся въ рукахъ законодательнаго собранія, дѣйствующаго чрезъ посредство изъ его же нѣдръ извлекаемаго кабинета. „Король, какъ сказалъ Тьеръ еще въ 1829 г., царствуетъ, но не управляетъ“. Онъ служитъ, какъ выражаются нѣкоторые, декоративнымъ украшеніемъ англійской конституціи; онъ составляетъ, по выраженію Беджгота, церемоніальный элементъ ея. Все это однако не совсѣмъ вѣрно. Правительственная власть, хотя и подчинена здѣсь законодательной, тѣмъ не менѣе не сливается съ нею. Во-первыхъ, юридически кабинетъ избирается королемъ, и если фактически онъ намѣчается всегда парламентомъ, то это въ значительной степени объясняется существова-

ніемъ въ англійскомъ парламентѣ лишь двухъ партій, и при томъ замѣчательно организованныхъ. Беджготъ рассказываетъ, что одинъ изъ государственныхъ дѣятелей Англіи, взглянувъ на членовъ палаты общинъ, безпрекословно повиющихся своимъ вождямъ, замѣтилъ: „вотъ лучшее парламентское мясо Европы“. Не будь столь хорошо организованнаго и единомысленнаго большинства въ парламентѣ, право короля обнаружилось бы конечно болѣе реально. Во-вторыхъ, всѣ акты исполнительной власти обязательно подписываются королемъ. Если онъ не рѣшится на категорическій отказъ, ибо тогда министерство можетъ подать въ отставку, что при поддержкѣ министерства парламентомъ равносильно разрыву короля съ парламентомъ, то онъ можетъ оказать нравственное воздѣйствіе на министра, прежде чѣмъ согласится подписать извѣстный актъ. Вліяніе короля можетъ быть особенно сильно при смѣнѣ министерства, когда нарушается прежнее соотношеніе силъ въ парламентѣ ¹⁾. Если наконецъ королю покажется, что законодательное собраніе навязываетъ ему политику нежелательную въ интересахъ народа, онъ можетъ апеллировать къ самимъ избирателямъ посредствомъ роспуска палаты. Это право въ высшей степени важно. Оно ослабляетъ силу законодательной власти, которая безъ этого условія могла бы уничтожить независимость исполнительной власти и принять деспотическій характеръ. Все это въ связи съ несмѣняемостью главы правительства говоритъ за то, что исполнительная власть въ Англіи ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признана функціей законодательнаго собранія.

Какой же изъ двухъ видовъ конституціи слѣдуетъ признать наиболѣе цѣлесообразнымъ? Дать безспорный отвѣтъ на этотъ вопросъ едва ли возможно, хотя европейскіе авторитеты рѣшительно склоняются въ пользу парламентарнаго правленія. Дѣло въ томъ, что какъ парламентарный, такъ и дуалистическій типъ конституціи имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Первый хорошо функционируетъ лишь тамъ, гдѣ парламентъ состоитъ изъ двухъ хорошо сплоченныхъ партій. При существованіи же многочисленныхъ пар-

¹⁾ Ср. Беджготъ. Государственный строй Англіи. Перев. Преисъ. 1905. Гл. III.

тій, при отсутствіи устойчиваго и объединеннаго большинства онъ неизбежно связанъ съ постоянными министерскими кризисами, нарушающими спокойное теченіе государственной жизни и лишаящими кабинетъ возможности твердо и успѣшно проводить опредѣленную политику. Поучительный примѣръ въ этомъ смыслѣ даетъ Франція. Состоя изъ самыхъ разнообразныхъ партій, отъ монархистовъ до социалистовъ включительно, палата депутатовъ, не имѣетъ возможности выдѣлить изъ себя ни сплоченнаго большинства, ни объединенной оппозиціи. Вслѣдствіе этого добиться солидарности съ большинствомъ палаты для кабинета вещь почти невозможная. Достаточно незначительнаго повода, чтобы кабинетъ потерялъ довѣріе палаты. Отсюда постоянная смѣна министерствъ. Напримѣръ съ 1879 по 1889 г. смѣнилось 14 кабинетовъ. Постоянная смѣна министерствъ и борьба въ палатѣ вызвали тогда въ народѣ такое отвращеніе къ парламентскому управленію, что на общихъ выборахъ 1885 г. онъ избралъ большее число монархистовъ и готовъ былъ видѣть своего спасителя въ Буланже. Столь же часты были министерскіе кризисы во Франціи и въ послѣдующее время ¹⁾. Легко понять, какъ вредно должны были отзываться они на ходѣ государственной жизни. „Результаты получались похожіе на тѣ, говоритъ Лоуэлль, какихъ достигъ бы человѣкъ, вырывающій свои посѣвы ранѣе, чѣмъ они созрѣютъ и снова засѣвающій свое поле уже другими растеніями“ ²⁾. Съ другой стороны и дуалистическое правленіе имѣетъ свои недостатки. Почти освобождая отъ отвѣтственности министерство, оно создаетъ возможность юридически неразрѣшимыхъ конфликтовъ между законодательной и исполнительной властью. Когда исполнительная власть выходитъ изъ границъ своихъ полномочій, у законодательнаго собранія не бываетъ дѣйствительнаго и въ то же время безопаснаго средства противъ ея злоупотребленій. Такимъ средствомъ считается обыкновенно право утвержденія или неутвержденія бюджета. Не утверждая бюджета, законодательное собраніе лишаетъ правительство право взимать налоги и расходовать

¹⁾ О смѣнѣ министерствъ во Франціи см. у Лоуэлля. Правительства и политическія партіи. Пер. Полторацкой. 1905. Стр. 45—85.

²⁾ *ibid.* Стр. 92.

государственныя суммы и тѣмъ ставить его въ безвыходное положеніе. Однако средство это нельзя считать особенно удобнымъ. Во-первыхъ, не безъ основанія отрицаютъ за народнымъ представительствомъ право неутвержденія бюджета въ такомъ именно смыслѣ. Большая часть ежегоднаго бюджета состоитъ изъ налоговъ, установленныхъ прежними законами. Предоставить собранію право неутвержденія всего бюджета значить дать ему право собственной властью, безъ согласія короля, отмѣнить законъ. Вотъ почему бюджетное право законодательнаго собранія проводится въ конституціяхъ съ извѣстными ограниченіями. Во-вторыхъ, неутвержденіе бюджета слишкомъ опасное и обоюдоострое средство. Оно можетъ грозить опасностью самому государству. Наконецъ, исполнительная власть имѣя на своей сторонѣ силу, можетъ и пренебречь неутвержденіемъ бюджета, какъ это было въ Пруссіи, когда Бисмаркъ, не обращая вниманіе на неутвержденіе росписи, спокойно продолжалъ править страной. Другихъ же средствъ у законодательной власти противъ злоупотребленій правительства нѣтъ. Гдѣ глава исполнительной власти получаетъ свои полномочія лишь на опредѣленный срокъ, тамъ эти конфликты не могутъ быть особенно опасными, такъ какъ самый актъ переизбранія президента является какъ бы судомъ надъ нимъ. Но въ монархіи, гдѣ глава государства несмѣняемъ, они могутъ угрожать, если не существованію, то неприкосновенности конституціоннаго строя ¹⁾. Примѣръ этого мы видимъ въ Пруссіи и Германіи, гдѣ деспотизмъ конституціоннаго правительства вошелъ уже въ поговорку. На этомъ основаніи можно, повидимому, думать, что дуалистическій строй болѣе примѣнимъ къ республикѣ, чѣмъ къ монархіи.

Вопросъ о парламентскомъ и дуалистическомъ строѣ конституціи составляетъ главнѣйшій пунктъ разногласія нашихъ конституціонныхъ партій въ ихъ собственно политической программѣ. Стоя на почвѣ манифеста 17 октября, всѣ онѣ признаютъ за народнымъ представительствомъ право обязательнаго участія народнаго представительства въ законодательствѣ.

¹⁾ См. подробнѣе: Политическій строй современныхъ государствъ, Т. I. Стр. 177—187. Дэйси, Основы гос. права Англіи, стр. 485—503. Бежготъ, Госуд. строй Англіи, стр. 61—93.

въ установленіи государственной росписи и налоговъ и въ контролѣ надъ исполнительною властью. Но вопросъ объ отвѣтственности министровъ, т. е. объ отношеніи исполнительной власти къ законодательной, рѣшается ими неодинаково. Одни партіи, напр. конституціонно-демократическая, умѣренно-прогрессивная, партія свободо-мыслящихъ, требуютъ полной отвѣтственности министровъ передъ народнымъ представительствомъ, отвѣтственности не только за законность, но и за цѣлесообразность ихъ дѣйствій. За народными представителями признается въ такомъ случаѣ право не только простого запроса, но и интерпелляціи, ставящей вопросъ о довѣріи представительнаго собранія къ кабинету и связанной съ отставкой послѣдняго въ случаѣ его несолидарности съ большинствомъ собранія ¹⁾. Другія партіи, напр. „Союзъ 17 октября“, торгово-промышленная партія, признавая за народнымъ представительствомъ право дѣлать запросы министрамъ, въ тоже время считаютъ послѣднихъ фактически и юридически отвѣтственными не передъ собраніемъ, а передъ монархомъ. Собраніе можетъ обсуждать дѣйствія министровъ, но не въ правѣ ставить вопроса объ одобреніи и довѣріи. Первые партіи стоятъ такимъ образомъ за парламентскій строй, существующій напр. въ Англіи, вторая—за дуалистическій строй, свойственный напр. Пруссіи.

Монархія и республика.

Какъ мы видѣли, составляющее сущность конституціоннаго строя обособленіе исполнительной власти отъ законодательной и теоретически и фактически возможно какъ въ республикѣ, такъ и въ монархіи. Хотя монархъ и участвуетъ одновременно въ отправленіи обѣихъ властей, однако этимъ

¹⁾ Запросы предлагаются министрамъ съ ихъ согласія съ цѣлью полученія свѣдѣній. Отвѣчать на рѣчь министра можетъ лишь инициаторъ запроса. Интерпелляціи же имѣютъ цѣлью призвать къ отвѣтственности кабинетъ и заставить палату сказать свое мнѣніе о его дѣятельности, поставивъ вопросъ объ одобреніи или довѣріи. См. Лоуэлль. Правительство и пол. партіи. Стр. 78.

не нарушается ихъ самостоятельность и независимость. Законодательная власть осуществляется въ монархіи, какъ говорятъ, королемъ въ парламентъ, т. е. королемъ и палатами, исполнительная—королемъ въ кабинетъ, т. е. королемъ и министрами, причемъ король въ кабинетъ подчиненъ королю въ парламентъ, т. е. дѣйствуетъ лишь въ согласіи съ волей народнаго представительства. Такимъ образомъ конституціонный или правовой строй одинаково возможенъ какъ при республиканскомъ, такъ и при монархическомъ правленіи.

Указываютъ однако на внутреннее противорѣчіе въ самомъ принципѣ конституціоннаго монархизма. „Всякая попытка примиренія между національнымъ суверенитетомъ и монархіей, говоритъ Эсменъ, заключаетъ въ себѣ, на мой взглядъ, слѣдующую ошибку. Суверенитетъ народа предполагаетъ не только то, что всякая власть исходитъ отъ народа, и что этотъ послѣдній передаетъ только ея отправленіе, но и то, что всѣ, получившіе власть, отвѣтственны за употребленіе, которое они изъ нея сдѣлаютъ. Это очевидная аксіома... Но прямая и формальная отвѣтственность, путемъ уголовного преслѣдованія или отмѣны полномочія, въ отношеніи къ тѣмъ, которымъ ввѣрены атрибуты суверенитета, большею частью неосуществима, а очень часто была бы даже вредна. Для представителей народа существуетъ только одна отвѣтственность, которая вытекаетъ изъ ограниченности срока ихъ полномочій“ ¹⁾. Все это однако не совсѣмъ точно. Сама по себѣ срочность полномочій не составляетъ еще въ собственномъ смыслѣ отвѣтственности. Какъ извѣстно, глава исполнительной власти въ республикѣ не подлежитъ смѣщенію до истеченія срока своихъ полномочій. Къ нему тоже приложимъ принципъ: онъ не можетъ быть неправъ. Съ логической и юридической точки зрѣнія это такая же въ сущности непослѣдовательность, такое же нарушеніе „аксіомы“, какъ и пожизненная безотвѣтственность монарха. На самомъ дѣлѣ, почему бы не предавать президента суду за всякое нарушеніе закона, разъ по идеѣ онъ несетъ отвѣтственность передъ народомъ? Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что то уклоненіе отъ строгаго проведенія принципа отвѣтственности, какое дается въ несмѣстимости президента, является

¹⁾ Общія основы конституціоннаго права. Стр. 145.

въ высшей степени цѣлесообразнымъ; оно предупреждаетъ опасныя потрясенія въ государствѣ и обезпечиваетъ необходимую устойчивость въ теченіи государственной жизни. Но эти же самыя соображенія могутъ оправдывать и несмѣняемость монарха. Не безосновательно Дайси видитъ особенное преимущество англійской конституціи въ томъ, что вѣтвія англійскаго парламента исходятъ изъ совмѣстно дѣйствующихъ трехъ его элементовъ. „Это обстоятельство, говоритъ онъ, не допускаетъ тѣхъ посягательствъ на неприкосновенность общаго права, какія могли производить монархи-деспоты, напр. Людовикъ XIV, Наполеонъ I или Наполеонъ III, при помощи ордонансовъ или декретовъ, и какія дѣлали, принимая внезапныя рѣшенія, различныя учредительныя собранія Франціи, особенно знаменитый Конвентъ“ ¹⁾. Что же касается опасенія вредныхъ послѣдствій отъ безответственности короля, то, какъ мы видѣли на примѣрѣ Англіи, при строго проведенномъ конституціонномъ принципѣ они не могутъ имѣть мѣста. Это сторона дѣла юридическая. Но есть въ немъ другая сторона, имѣющая несравненно большее значеніе въ нашемъ вопросѣ.

Республика невозможна и даже положительно вредна тамъ, гдѣ народъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ воспиталъ въ себѣ глубочайшее чувство почти религіознаго почтенія и преданности къ монарху. Невозможна она потому, что никакія силы въ мірѣ не могутъ сразу вытравить изъ народнаго сердца мистическое преклоненіе передъ монархомъ, а пока этого не случится, никакая власть, помимо монаршей, не будетъ мыслиться народомъ властью законной. „Монархическія традиціи, справедливо говоритъ В. Гессенъ, необыкновенно сильны и живучи. До тѣхъ поръ, пока въ сознаніи народныхъ массъ монархъ остается живымъ олицетвореніемъ государственной идеи, республика, какъ таковая, невозможна: ибо республика будетъ мыслиться какъ анархія, до тѣхъ поръ пока государство мыслится, какъ монархъ“ ²⁾. Республика и вредна, такъ какъ она разрушаетъ тотъ прочный фундаментъ, на которомъ покоится въ глазахъ народа нравственный авторитетъ власти и закона. Превосходныя строки въ

¹⁾ Основы государственнаго права Англіи. Стр. 393.

²⁾ Политическій строй соврем. государствъ. Т. I. Стр. 146.

этомъ отношеніи находимъ мы у Беджгота въ его интереснѣйшихъ главахъ о монархіи. „Почему монархія—правленіе сильное, всего лучше объясняется тѣмъ, что она—понятное правленіе. Природа конституціи, дѣйствія собранія, игра партій—все это сложные факты: понять ихъ трудно, а дать имъ ложное истолкованіе легко. Но единая дѣйствующая воля, единый повелѣвающій разумъ—это доступныя идеи, и если ихъ хоть разъ разъяснить, онѣ никѣмъ и никогда уже не забываются. Если вы предложите народной массѣ вопросъ: „Хотите ли вы, чтобы вами управлялъ король, или чтобы у васъ было конституціонное правленіе?“, то вопросъ сведется вотъ къ чему: хотите ли вы, чтобы вами управляли понятнымъ вамъ способомъ, или тѣмъ способомъ, котораго вы не понимаете? Французскому народу представили на выборъ: „кого вы хотите въ правители, Людовика Наполеона или Собраніе?“—Народъ отвѣтилъ: „мы хотимъ, чтобы нами правилъ одинъ человѣкъ, котораго мы можемъ себѣ представить, а не многіе, которыхъ мы не можемъ себѣ представить“... Англійскій народъ согласенъ съ присягой на подданство и говорить, что его долгъ повиноваться „королевѣ“, но относительно обязанности повиноваться законамъ безъ королевы у него только смутное представленіе... Мистическое благоговѣніе, религіозная преданность, присущія истинной монархіи—непроизвольныя чувства, и никакое законодательство не можетъ вызвать ихъ въ народѣ искусственно. Эти полусыновнія чувства—явленіе столь же непроизвольное въ жизни государства, какъ и настоящія сыновнія чувства въ частной жизни. Сдѣлать монархію такъ же невозможно какъ выбрать себѣ отца“ ¹⁾. Если это справедливо въ отношеніи къ англійскому народу, имѣвшему достаточно времени, чтобы привыкнуть къ всемогущему парламенту, который, по выраженію Делольма, „не можетъ только превратить женщину въ мужчину и мужчину въ женщину“, то что же сказать о русскомъ народѣ, который до сихъ поръ не зналъ никакой другой власти, кромѣ власти имъ чтимаго царя? Надо совершенно не имѣть ни историческаго, ни психологическаго чутья, чтобы мечтать о созданіи республики въ Россіи, что дѣлаютъ наши крайнія партіи.

¹⁾ Беджготъ. Государственный строй Англіи. Стр. 95—96. 101. 63—64.

Судебная власть.

Исполнительная власть по самой идеѣ своей можетъ дѣйствовать лишь въ границахъ закона. Въ этомъ заключается главная сущность правового строя и единственное условіе политической свободы народа. Но что же гарантируетъ законность дѣйствій исполнительной власти, какая сила сдерживаетъ ее въ стремленіи выйти изъ предѣловъ закона? Такою силой можетъ быть лишь судебная власть. Ея прямая задача охранять неприкосновенность закона среди какъ частныхъ, такъ и должностныхъ лицъ. Само собою очевидно отсюда, что судебная власть ни въ какомъ случаѣ не можетъ соединяться съ исполнительной; она должна имѣть самостоятельный и независимый органъ. Обособленность судебной и исполнительной власти, провозглашенная еще Монтескье подъ вліяніемъ англійскаго права, получила всеобщее признаніе во всѣхъ конституціонныхъ странахъ. Но понята была она далеко не одинаково. Въ то время какъ въ Англіи и Америкѣ обособленіе судебной власти отъ исполнительной означаетъ независимость судей отъ администраціи, во Франціи, какъ и въ другихъ континентальныхъ странахъ, оно выражаетъ независимость администраціи отъ судей. Тамъ суды охраняются отъ вліянія и контроля исполнительной власти, чтобы творить правый судъ, не взирая на оффиціальное положеніе тяжущихся; здѣсь, напротивъ, администрація оберегается отъ всякаго вмѣшательства суда изъ опасенія, какъ бы не поколебать ея авторитета. Вслѣдствіе этого въ Англіи всѣ должностныя лица наравнѣ съ частными лицами отвѣтственны за нарушеніе законовъ и за всѣ незаконные акты передъ обыкновенными судами; во Франціи они подлежатъ административному суду, составляющему отрасль той же администраціи и подвѣдомственному не министру юстиціи, а министру внутреннихъ дѣлъ, съ судьями, смѣняемыми по желанію президента ¹⁾. Эту разницу въ отвѣтственности частныхъ и должностныхъ лицъ по французской системѣ Дайси съ свойственною ему образностью выражаетъ такимъ образомъ: „когда государство нарушаетъ

¹⁾ См. подробнѣе: Дайси, указ. соч., стр. 359—391; Лоуэлль, указ. соч., стр. 36—41. Эсменъ, указ. соч., стр. 292—299.

контрактъ, оно должно, по понятіямъ французовъ, потерпѣть меньше, чѣмъ частное лицо, являющееся правонарушителемъ“ ¹⁾. Легко понять, что административный судъ не можетъ дать той гарантіи неприкосновенности закона и частныхъ правъ, какую даетъ судъ обыкновенный, такъ какъ въ первомъ случаѣ администрація въ нѣкоторомъ смыслѣ судить самое себя. Если французскіе юристы ссылаются на то, что англійская система затрудняетъ роль администраціи благодаря легкому доступу къ правосудію ²⁾, то справедливо и то, что затрудненіе доступа къ правосудію облегчаетъ правонарушенія исполнительной власти.

Независимость судей—общепризнанный принципъ. Однако степень этой независимости и въ теоріи, и на практикѣ опредѣляется неодинаково. Одни теоретики ограничиваютъ ее лишь несмѣняемостью судей, предоставляя избраніе и назначеніе ихъ исполнительной власти. Другіе считаютъ необходимымъ, чтобы судьи избирались самой націей, какъ собственницею суверенитета. Надо признать, что съ логической стороны избраніе судей гражданами, имѣющими политическое избирательное право, представляетъ собою послѣдовательное проведеніе идеи національнаго суверенитета и несомнѣнно еще болѣе обезпечиваетъ независимость судебной власти отъ исполнительной. Но справедливо отмѣчаютъ въ немъ нѣкоторыя практическія неудобства. Всякое избраніе, какъ добровольное врученіе извѣстныхъ полномочій, по самой идеѣ не должно быть пожизненнымъ. А между тѣмъ избраніе судей на опредѣленный срокъ грозитъ двумя опасностями. Во-первыхъ, поставленный въ прямую зависимость отъ своихъ избирателей, судья легко можетъ поддаться вліянію ихъ взглядовъ и даже предразсудковъ, въ надеждѣ сохранить шансы на будущее избраніе. Во-вторыхъ, при непрочности положенія судьи можно опасаться недостатка въ достойныхъ кандидатахъ на судебныя должности, требующія большой опытности и весьма значительной профессиональной подготовки. Все это говоритъ за пожизненное избраніе судей. „Свободѣ, говоритъ Эсменъ, нѣтъ основанія опасаться одной судебной власти, но есть полное основаніе опасаться всего

¹⁾ Основы госуд. права Англіи. Стр. 366.

²⁾ Эсменъ, указ. соч., стр. 295.

отъ ея союза съ какою-либо изъ двухъ другихъ властей... и ничто не можетъ обезпечить за нею силы и независимости въ такой мѣрѣ, какъ постоянство должности“¹⁾. Но при пожизненности судебной должности вопросъ о томъ, избираются ли судьи гражданами или назначаются исполнительною властью, перестаетъ быть важнымъ, такъ какъ несмѣняемость судей въ достаточной степени гарантируетъ ихъ независимость. Вотъ почему пожизненное назначеніе судей исполнительною властью въ настоящее время является почти общимъ правиломъ во всѣхъ конституціяхъ. Если и есть въ немъ какое-либо неудобство, то оно въ значительной мѣрѣ парализуется введеніемъ института присяжныхъ, который и самую судебную власть сводитъ къ очень ограниченнымъ размѣрамъ. Институтъ присяжныхъ—самыхъ независимыхъ судей, какихъ можно только себѣ представить, является наилучшимъ коррективомъ ко всѣмъ недостаткамъ и злоупотребленіямъ судебной власти. Недаромъ еще въ 1789 г. Сіѣсъ писалъ: „безъ сомнѣнія, ошибочно было бы приписывать одной конституціи все то хорошее, что есть въ Англіи. Есть тамъ такой законъ, который дороже самой конституціи. Я говорю о судѣ присяжныхъ, этой истинной гарантіи индивидуальной свободы во всѣхъ странахъ свѣта, въ которыхъ хотятъ быть свободными. Этотъ способъ отправленія правосудія единственный, который спасаетъ отъ злоупотребленій судебной власти, столь частыхъ и столь грозныхъ вездѣ, гдѣ не судятся себѣ равными“²⁾.

Независимость судей и ихъ несмѣняемость вмѣстѣ съ расширеніемъ суда присяжныхъ входитъ въ программу большей части нашихъ конституціонныхъ партій; но лишь три изъ нихъ, „Союзъ 17 октября“, партія „народнаго блага“ и прогрессивно-экономическая, высказываются за выборное начало, да и то лишь въ примѣненіи къ мѣстной юстиціи. Что касается важнаго вопроса, какому суду подлежатъ должностныя лица, то только „Союзъ 17 октября“, умѣренно-прогрессивная и конституціонно-демократическая партія высказываются за англійскую систему, требуя упраздненія судебно-административныхъ учреждений („Союзъ 17 окт.) и отвѣтственности должностныхъ лицъ на общемъ основаніи (к.-д. и у.-пр.).

¹⁾ Эсменъ. Общія основы конституціоннаго права. Стр. 280—281.

²⁾ Ibid. Стр. 288.

Личныя права.

Суверенитетъ принадлежитъ народу. Но народъ въ живыхъ личностей, составляющихъ его, не существуетъ. Народная воля въ основѣ своей непремѣнно должна имѣть волю индивидуальную. Народная власть невозможна безъ личныхъ правъ. Нельзя себѣ представить, чтобы народъ могъ совершенно поглотить личность, общая воля—частную волю. Въ такомъ случаѣ воля не была бы общей, и народъ не былъ бы дѣйствительнымъ народомъ. Правда, общая воля, объединяя индивидуальныя воли, многое въ нихъ ограничиваетъ, именно то, въ чемъ онѣ противоположны другъ другу. Однако это ограниченіе никогда не можетъ дойти до полнаго отрицанія частной воли. Иначе народная воля не имѣла бы реального содержанія. Вотъ почему никакъ нельзя признать до сихъ поръ еще раздѣляемое нѣкоторыми нѣмецкими учеными, напр., Еллинекомъ, старое представленіе о неограниченной власти государства по отношенію къ своимъ подданнымъ. Не пользуется въ настоящее время почетомъ и противоположное мнѣніе, по которому человѣку прирождены опредѣленные и безусловно неотчуждаемыя права. Это старинное воззрѣніе мало внушаетъ къ себѣ довѣрія потому, что никто точно не знаетъ и знать не можетъ сущности и границъ прирожденныхъ правъ. Опредѣляя то и другое, мы, того не сознавая, говоримъ лишь то, что диктуетъ намъ современная дѣйствительность. Въ другомъ мѣстѣ и въ другое время наши понятія были бы совершенно иныя. Эволюція не только въ правовыхъ отношеніяхъ, но и въ правовыхъ понятіяхъ, составляетъ теперь безспорный фактъ. Стало быть объ опредѣленныхъ прирожденныхъ правахъ личности, безусловно не подлежащихъ вліянію и ограниченію со стороны государственной власти, не можетъ быть и рѣчи. Наши требованія гражданской свободы должны опираться поэтому не столько на отвѣченные идеи, сколько на современныя правовыя понятія.

Главнымъ нервомъ всѣхъ современныхъ декларацій правъ считается обыкновенно французская декларація 1789 года ¹⁾.

¹⁾ Однако еще въ 1895 г. проф. Еллинекомъ было основательно доказано, что французская декларація не есть самостоятельное произведеніе.

Хотя между ними и есть нѣкоторая разница, однако сущность ихъ вездѣ одна и таже, а именно: долгъ государства не стѣснять свободу личности, а ограждать ее отъ всякаго сторонняго посягательства; оно должно равномерно распредѣлять свободу между всѣми гражданами. „Свобода, читаемъ мы въ 4 ст. французской деклараціи, состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другимъ; поэтому осуществленію естественныхъ правъ отдѣльнаго чловѣка полагается предѣлъ только необходимостью обезпечить за другими членами общества пользованіе тѣми же правами. Эти границы могутъ быть опредѣлены не иначе, какъ закономъ“. Изъ этого основнаго принципа вытекаютъ всѣ личныя права, выражаемыя въ настоящее время обычно въ слѣдующей формулѣ: 1) *свобода личности*, т. е. неприкосновенность личности, жилища, писемъ и свобода передвиженія, 2) *свобода совѣсти*, т. е. право исповѣдывать любыя научныя, политическія и религіозныя убѣжденія, право измѣнять ихъ, право вѣрить и не вѣрить, 3) *свобода слова и печати*, т. е. право высказывать свои мнѣнія и взгляды, право свободно распространять ихъ и печатать, и 4) *свобода собраній и союзовъ*. Всѣ эти права не означаютъ конечно полной безответственности въ пользованіи ими. Всякое злоупотребленіе ими влечетъ за собой наказаніе, но только въ томъ случаѣ, когда оно является посягательствомъ на права другихъ лицъ т. е. дѣйствительнымъ нарушеніемъ закона. Помимо же закона и суда не можетъ быть ни ограниченія свободы, ни ответственности. Естественнымъ слѣдствіемъ замѣны административнаго усмотрѣнія постановленіемъ суда по закону является то, что предупрежденіе преступленій, неразрывное всегда съ произволомъ и ошибками, замѣняется пресѣченіемъ ихъ.

плодъ философскихъ теорій 18 в., а имѣетъ своимъ источникомъ подобныя же деклараціи нѣкоторыхъ американскихъ штатовъ, явившіяся въ свою очередь подъ влияніемъ религіозно-общественнаго движенія въ Англіи. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно сравнить хотя бы первую статью, деклараціи штата Виргиніи въ 1776 г. („отъ природы всѣ люди одинаково свободны и независимы и обладаютъ нѣкоторыми неотъемлемыми правами“). Декларациі Массачузетсъ 1780 г. („всѣ люди рождаются свободными и равными и обладаютъ нѣкоторыми основными естественными и неотъемлемыми правами“) и франц. деклар. 1789 г. („люди рождаются и остаются свободными и равноправными“). См. Еллинекъ. Декларациі правъ чловѣка и гражданина. Перев. подъ ред. Вормсъ, 1906.

Наказаніе и вообще ограниченіе свободы вызывается теперь не предполагаемымъ и даже не злоумышляемымъ, но совершаемымъ и совершеннымъ преступленіемъ. Господствующій принципъ англійскаго права, говоритъ Дайси, заключается въ томъ, что „нельзя стѣснять чью-нибудь свободу или наказывать кого-нибудь потому только, что онъ можетъ или желаетъ нарушить законъ; это позволяется только въ томъ случаѣ, если это лицо совершило строго опредѣленный закономъ проступокъ“ ¹⁾. До какой степени послѣдовательно проводится этотъ принципъ въ Англіи, можно видѣть изъ двухъ примѣровъ, приводимыхъ Дайси. „Предположимъ, говоритъ онъ, что кружокъ иностранныхъ анархистовъ является въ Англіи, и полиція имѣетъ большія основанія подозрѣвать, что они составили заговоръ, скажемъ, съ цѣлью взорвать палаты парламента. И предположимъ, что нѣтъ неоспоримыхъ доказательствъ существованія заговора. Англійскій министръ, если только онъ не имѣетъ поводовъ отдать заговорщиковъ подъ судъ, не имѣетъ никакой возможности ихъ арестовать или выслать изъ государства... У насъ государство можетъ наказывать за преступленія, но почти не можетъ предупреждать ихъ“, замѣчаетъ Дайси ²⁾. Другой примѣръ. По англійскому закону, что дозволяется одному лицу, то позволительно и для многихъ. Вытекающая отсюда свобода собраній не перестаетъ быть законною и въ томъ случаѣ, еслибы министръ внутреннихъ дѣлъ запретилъ ихъ. „Это запрещеніе, говоритъ Дайси, имѣетъ столько же юридическаго значенія, сколько приказъ министра, запрещающій мнѣ или кому-либо другому гулять по High Street... Предположимъ, что какой-либо ревностный протестантъ соберетъ митингъ съ цѣлью разоблачить весь вредъ исповѣданія и мѣстомъ для этого собранія изберетъ центръ большаго города, населеннаго бѣдняками римско-католическаго исповѣданія. Митингъ будетъ законнымъ, хотя несомнѣнно онъ вызоветъ насиліе. И ни правительство, ни администрація не могутъ его запретить“ ³⁾. Такимъ путемъ совершенно устраняется произволъ администраціи.

¹⁾ Основы государственнаго права Англіи. Стр. 279.

²⁾ *ibid.* Стр. 253—254.

³⁾ *ibid.* Стр. 308—309.

Однако для обезпеченія правъ человѣка весьма недостаточно простое провозглашеніе ихъ. Для того, чтобы они остались не на бумагѣ только, необходимы опредѣленные гарантіи, которыя давали бы гражданамъ дѣйствительныя средства противъ произвола властей. Къ такимъ гарантіямъ принадлежитъ прежде всего отвѣтственность должностныхъ лицъ передъ судомъ, дающая возможность гражданамъ за всякое нарушеніе частныхъ правъ предъявлять иски къ административнымъ органамъ. Въ Англіи идея равенства передъ закономъ, примѣняемымъ обыкновенными судами, проведена со всею послѣдовательностью. „У насъ, говоритъ Дэйси, всякое должностное лицо, начиная отъ перваго министра и кончая послѣднимъ констеблемъ или сборщикомъ податей, подлежитъ такой же отвѣтственности, какъ и всякій другой гражданинъ за поступокъ, не оправдываемый закономъ... Губернаторъ колоніи, государственный секретарь, офицеръ и всѣ подчиненные, даже если они исполняютъ приказанія начальниковъ, такъ же отвѣтственны за всякій противозаконный поступокъ, какъ и всякое частное и не должностное лицо“ ¹⁾. Однако къ суду человѣкъ можетъ обратиться лишь тогда, когда онъ свободенъ. Лишая человѣка свободы, чиновникъ можетъ лишить его возможности искать удовлетворенія. Въ предупрежденіе этого въ Англіи существуетъ въ высшей степени справедливый и гуманный законъ, въ силу котораго лишенный свободы по требованію указа *Habeas corpus*, представляемаго начальнику тюрьмы самимъ заключеннымъ или его знакомымъ, въ извѣстный срокъ обязательно долженъ быть доставленъ въ судъ, который немедленно и освобождаетъ заключеннаго, если не видитъ законныхъ основаній къ его задержанію.

Признаніе личныхъ правъ, гарантированныхъ закономъ, можетъ имѣть мѣсто лишь въ правовомъ, т. е. конституціонномъ государствѣ. Въ абсолютной монархіи самое понятіе о неограниченной власти монарха не допускаетъ рядомъ съ собою обязательныхъ и обезпеченныхъ закономъ правъ гражданина, какъ частныхъ, такъ и политическихъ. Естественно поэтому, что программы нашихъ монархическихъ партій обыкновенно ничего не говорятъ о личныхъ правахъ гра-

¹⁾ *ibid.* Стр. 217.

жданъ. Если иногда и вносится въ нихъ требованія личныхъ правъ, то лишь по недоразумѣнію, такъ какъ эти требованія противорѣчатъ принципу самодержавія и не могутъ быть осуществлены безъ конституціонныхъ гарантіи. Всѣ прочія партіи довольно рѣшительно требуютъ объявленныхъ въ манифестѣ 17 октября гражданскихъ правъ, однако далеко не всѣ изъ нихъ позаботились о гарантіяхъ правъ. Партіи правового порядка, торгово-промышленная и прогрессивно-экономическая не указываютъ ни одного средства для обезпеченія правъ личности. „Союзъ 17 октября“ и конституціонно-демократическая партія требуютъ, чтобы всякое задержанное лицо въ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе 24 часовъ, а въ прочихъ мѣстахъ не поздиѣе 3 сутокъ („Союзъ 17 окт.“: въ точно опредѣленный и кратчайшій срокъ, напр. въ 24 часа въ городахъ) было или освобождено или представлено судебной власти; кромѣ того должностныя лица за посягательство на права гражданъ должны подлежать судебной отвѣтственности („Союзъ 17 окт.“ и к.-д.), а несправедливо задержанный имѣть право на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ (к.-д.).

Самоуправленіе и автономія.

Признаніемъ личныхъ правъ государство освобождаетъ отъ своей опеки извѣстную область въ жизни гражданъ, предоставляя имъ возможность устраивать ее сообразно съ индивидуальными потребностями. Но между областями чисто личныхъ и общегосударственныхъ интересовъ существуютъ промежуточныя сферы интересовъ мѣстныхъ, свойственныхъ извѣстной группѣ людей, живущихъ въ болѣе или менѣе одинаковыхъ условіяхъ. Эти общіе интересы, объединяя собой то малыя, то большія группы гражданъ, создаютъ особые права и обязанности, входящія въ составъ мѣстнаго самоуправления. Сущность самоуправления заключается такимъ образомъ въ правѣ извѣстной общины удовлетворять мѣстнымъ нуждамъ собственными средствами, хотя и въ границахъ закона, въ правѣ имѣть собственные органы исполнительной власти, свою администрацію.

Но извѣстная область можетъ имѣть такъ много своеобразныхъ и самобытныхъ чертъ, интересы ея могутъ быть

такъ непохожи на интересы главной массы населенія, что общегосударственный законъ во всей своей полнотѣ оказывается непримѣнимымъ къ ней безъ серьезнаго ущерба для ея культурнаго развитія. Въ такомъ случаѣ государственная власть выдѣляетъ изъ сферы своего вѣдѣнія часть своихъ законодательныхъ функцій, касающуюся вопросовъ частнаго характера, и предоставляетъ ее самой области, съ обязательствомъ во всемъ остальномъ подчиняться общегосударственному закону. Право на осуществленіе не только исполнительной, но и законодательной власти составляетъ сущность автономіи. Последняя совершенно отлична отъ федерации. Федеративная область является въ той же мѣрѣ собственницей законодательной власти, какъ и прочія государства, входяція въ составъ федерации. Автономная же область подчинена государству и право на осуществленіе законодательной власти получаетъ отъ него какъ даръ, который государство въ правѣ увеличить, уменьшить и даже уничтожить.

Вопросъ объ автономіи получилъ у насъ жизненный интересъ благодаря польскому вопросу. Географическія, историческія, національныя и культурныя особенности Польши отличаются такимъ своеобразиемъ, что примѣненіе къ ней общерусскаго режима видимо задерживаетъ въ ней культурный ростъ, дѣйствуетъ угнетающе на ея населеніе, порождаетъ глубокую вражду къ русской народности и такимъ образомъ разрушаетъ внутреннее единство государства, въ бесплодной борьбѣ производя бесполезную трату національныхъ силъ. Фактъ этотъ едва ли можно оспаривать. Изъ него самъ собою повидимому напрашивается выводъ о необходимости автономіи для Польши. Однако не возражая въ принципѣ противъ дарованія автономнаго устройства Польшѣ, изъ побужденій безпристрастія мы не можемъ не признать значенія и за тѣмъ соображеніемъ, что вышеуказанный фактъ вызывался отчасти суровымъ примѣненіемъ къ Польшѣ стараго режима, и что съ предоставленіемъ ей самыхъ широкихъ правъ самоуправленія, права защиты своихъ интересовъ въ общегосударственномъ народномъ представительствѣ и съ установленіемъ общегражданской свободы положеніе вещей можетъ измѣниться. Когда эти средства окажутся безсильными устранить внутреннее разъединеніе между рус-

скимъ и польскимъ населеніемъ, тогда автономія Польши должна быть признана въ интересахъ самой же Россіи.

Большинство нашихъ политическихъ партій относится отрицательно къ вопросу о польской автономіи, принципиально отвергая ея возможность. За автономію высказываются лишь партія конституціонно-демократическая, партія свободомыслящихъ, радикалы и социалисты.

Заключеніе.

Наши политическія партіи въ своихъ политическихъ программахъ представляютъ столь же большое разнообразіе, какъ и въ вопросахъ социальной политики. Въ общей своей совокупности онѣ даютъ всѣ возможныя формы государственнаго строя, начиная съ монархическаго абсолютизма (монархическая партія, союзъ землевладѣльцевъ, партія русскаго собранія) и кончая демократической республикой (радикальная и социалистическія партіи). Всѣ промежуточныя партіи, хотя и стоятъ на почвѣ конституціонной монархіи, однако довольно замѣтно отличаются другъ отъ друга, представляя послѣдовательную градацию отъ крайнихъ правыхъ къ крайнимъ лѣвымъ. Изъ нихъ царисты, отечественный союзъ и партія правового порядка не даютъ въ своихъ программахъ никакихъ гарантій правового строя, ничего не говоря о правахъ представительнаго собранія, о судебной власти, объ общемъ избирательномъ правѣ и т. д. Ихъ задача—сохранить права монарха, а не укрѣпить права народнаго представительства. Прочія конституціонныя партіи болѣе или менѣе твердо проводятъ конституціонныя начала, причемъ одни изъ нихъ высказываются за дуалистическій (Союзъ 17 окт., торгово-промышленная партія), другія за парламентарный строй (конституціонно-демократическая, партія свободомыслящихъ и повидимому умѣренно-прогрессивная). Наиболѣе типичными и, насколько можно судить теперь, могущественными партіями являются изъ первыхъ „Союзъ 17 окт.“, изъ вторыхъ конституціонно-демократическая партія. Но каждая изъ этихъ партій включаетъ въ себя элементы довольно разнообразныя. Если лѣвая фракція конституціоналистовъ—демократовъ имѣетъ нѣкоторое тяготѣніе къ крайнимъ партіямъ, то правая фракція „Союза

17 окт.“ недостаточно ясно ограничиваетъ себя отъ бюрократическаго строя. Нельзя не обратить также вниманіе и на то, что очень либеральныя воззрѣнія „Союза 17 окт.“ по вопросу о личныхъ правахъ и судебной власти едва ли соответствуютъ политическому его идеалу и едва ли могутъ быть осуществлены въ жизни при тѣхъ конституціонныхъ гарантіяхъ, какими располагаетъ онъ.

Мы кончили. Нашею задачею, какъ видѣлъ читатель, не была характеристика нашихъ политическихъ партій. Такой трудъ въ настоящее время былъ бы преждевременнымъ, такъ какъ большая часть партій находится еще въ процессѣ образованія. Онѣ еще не успѣли выяснить себѣ многихъ вопросовъ и перѣдко обнаруживаютъ непоследовательность и даже противорѣчія въ своихъ воззрѣніяхъ, если сравнить ихъ программы съ партійными брошюрами. Съ другой стороны существующая дифференціація партій часто обнаруживаетъ признаки совершенно случайнаго происхожденія, вслѣдствіе чего въ непродолжительномъ времени можно ожидать отъ нихъ новыхъ соединеній и новыхъ расколовъ. Наконецъ, не слѣдуетъ забывать и того, что мы наблюдаемъ партіи пока въ словахъ, а не въ дѣлѣ. А между тѣмъ и другимъ громадная разница. Теперь онѣ всячески стараются пріукрасить себя, какъ невѣста передъ вѣнцомъ. Онѣ поютъ сиренами въ надеждѣ увлечь малоопытныхъ слушателей. Не то будетъ съ открытіемъ Думы. Мы увидимъ ихъ тогда безъ маски, услышимъ ихъ тайныя желанія. Это особенно, если не исключительно, слѣдуетъ сказать о партіяхъ господствующихъ классовъ. Мы увидимъ, какъ наши крупные землевладѣльцы, болѣе другихъ заинтересованные въ сохраненіи стараго строя, будутъ противиться всякимъ демократическимъ реформамъ, дополнительнымъ надѣламъ крестьянъ, рабочему законодательству въ сельскомъ хозяйствѣ, регулированію арендныхъ отношеній, и наоборотъ требовать льготнаго земельного кредита, пониженія земельныхъ налоговъ и наслѣдственныхъ пошлинъ, мѣръ къ повышенію хлѣбныхъ цѣнъ и т. д. Съ другой стороны мы услышимъ, какъ наши промышленники будутъ ратовать за покровительственную систему, выгодную для предпринимателя, но разорительную для населенія, за

Партія.	Политическая программа.	Права гражданъ.	Аграрный вопросъ.	Рабочій вопросъ.	Финансы.	Церковь.	С у д ъ.	Окрайный и племенной вопросъ.
1. Монархическая партія.	Укрѣпленіе монархическаго самодержавія во всей неприкосновенности Сохраненіе сословнаго строя. Дума не должна ограничивать царской власти		Интенсификація хозяйства и переселеніе Неприкосновенность имущественныхъ правъ		Подъемъ сельскаго хозяйства Сокращеніе обрабатывающей промышленности Пониженіе косв. налог.	Возвеличеніе Правъ церкви.		Единство Россіи Господство русской національности въ языкѣ, школѣ и законѣ.
2. Союзъ землевладѣльцевъ.	Возстановленіе самодержавія, но безъ бюрократизма Дума должна помогать царю, не ограничивая его		Сокращеніе сельскаго хозяйства земледѣлію. Уничтоженіе золотой валюты		Покровительство земледѣлію. Уничтоженіе золотой валюты	Господствуемая церковью православная Вѣротерпимость		Русская національность—ядро По отношению къ евреямъ необходимы ограниченія
3. Партія русскаго собрания.	Царское самодержавіе не отмѣнено манифестомъ 17 окт. Единеніе царя съ народомъ Думѣ принадлежит разработка законовъ и фискальный контроль	Необходимы законы, предохраняющие отъ злоупотребленія дарованными свободами	Улучшеніе сельскаго хозяйства культуры. Увеличеніе площади крестьянскаго землевладѣнія		Сокращеніе русской промышленности и производ. труда.	Господствуемая церковью православная.		Россія едина и неделима Особенное отношеніе къ евреямъ
4. Царисты.	Конституціонная монархія Устраненіе бюрократизма Реорганизация госуд. совѣта Царь-отецъ на рода, душа и совѣсть его	Всеобщее, прямое и равное избир. право невозможно	Реформа крестьянскаго банка Подворное землевладѣніе		Строжайшая экономія въ расходахъ.	Уваженіе ко всякой религіи		Временная осторожность къ евреямъ Братство съ поляками и славянами
5. Отечественный союзъ.	Не допускать дальнѣйшаго уменьшенія царской власти Нежелательность парламентарнаго строя	Всеобщее и прямое избир. право нежелательно и опасно. Упорядоченіе свободъ предѣлами закона.	Интенсификація хозяйства Расширеніе крест. землевлад., но безъ принужд. отчужденія Крест. банкъ не долженъ уменьшать крупн. и сред. землевлад.	При улучшеніи быта рабочихъ не слѣдуетъ упускать изъ виду интересъ промышленности		Вѣротерпимость Господствующее положеніе правосл. церкви		Цѣльность и нераздѣльность Россіи Россія прежде всего для русскихъ
6. Партія правоваго порядка.	Конституціонная монархія Сильная госуд. власть Строгое блюденіе закона	Четыре свободы	Личное землевладѣніе для крестьянъ Дополнительный надѣлъ для малоземельныхъ со справедл. вознагражд.	Сокращеніе рабочаго дня. Обязат. страхованіе рабочихъ. Пересмотръ раб. законод.	Уменьшеніе бремени налоговъ, падающихъ на крестьянъ			Единство и неделимость Россіи Автономія невозможна
7. Союзъ 17 октября.	Укрѣпленіе началъ, возвышеніе манифестомъ 17 окт. и протѣженіе всякому посягательству на права монарха и народнаго представительства	Четыре свободы и общее избирательное право	Дополн. надѣлы изъ казенн. земель. Въ крайнемъ случаѣ принуд. отчужденіе частновлад. земель	Охрана дѣт. и жен. труда Страхованіе рабочихъ; усовершенствованіе раб. законодательства	Переложеніе налогового бремени съ слабыхъ плечъ на болѣе сильныя		Независимый и безосудный Подсудность должн. лицъ Упраздн. суд.-адм. учреждений.	Единство и нераздѣльность Россіи Автономія лишь для финляндіи
8. Торгово-промышленная.	Сокращеніе правительству въ дѣлѣ успокоенія страны и проведенія въ жизнь благъ, возвышеніе манифестомъ 17 окт.	Четыре свободы	Свободный выходъ изъ общины Реорганизация крестьян. банка Кредитъ	Пересмотръ раб. законодательства Установленіе условій труда по образцу промышленныхъ странъ	Пересмотръ налоговой системы для болѣе справедл. обложенія Подоход. обложеніе			Единство и неделимость имперіи.
9. Прогрессивно-экономическая.	Участіе народнаго представительства въ законодательствѣ, въ утвержденіи госуд. росписи и въ контролѣ надъ правительствомъ Отвѣтственность министровъ	Четыре свободы и всеобщее избир. право	Подворное землевладѣніе Хуторское и кооперат. хозяйство Поземельный кредитъ	Свободное соглашеніе рабочихъ и работодателей въ спорныхъ случаяхъ Страхованіе Охрана дѣт. и жен. труда	Постепенное пониженіе косв. нал. Развѣтленіе прямого прогресс. обложенія; таможен. покровительство		Независ. и несмѣн. судей Низшій выборный судъ Расширеніе суда присяжныхъ	Единство и неделимость Россіи Мѣстное самоуправленіе
10. Умѣренно-прогрессивная.	Участіе Думы въ законод., въ утвержденіи бюджета, въ контролѣ за законностью и цѣлесообразностью дѣйствій администраціи Отвѣтственность министровъ	Четыре свободы Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе	Увеличеніе крест. землепольз. на счетъ казенныхъ, мон. и части частновлад. земель, образующихъ госуд. фондъ	Введеніе годового количества раб. часовъ Обязат. страхованіе. Охрана труда	Постепенное уменьшеніе косв. нал. Развѣтленіе прям. прогресс. обложенія; пониженіе таможен. пошлинъ		Независ. и несмѣн. судей Отвѣтственность должн. лицъ на общ. основаніи	Единство и неделимость Россіи. Мѣстное самоуправленіе
11. Конституціонно-демократическая.	Конституціонная монархія съ парламентарнымъ строемъ. Полная отвѣтственность министровъ предъ народомъ представительствомъ.	Четыре свободы. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе.	Принуд. отчужденіе казенн. мон. и частновлад. земель Регулированіе арендныхъ отношеній	8-ми час. раб. день Госуд. страхованіе. Охрана дѣт. и женскаго труда	Пониженіе косв. нал. и таможен. пошлинъ Прогресс. подат. облож. Прогресс. нал. на наслѣд.	Освобожденіе церкви отъ госуд. опеки	Независ. и несмѣн. судей Отвѣтственн. должн. лицъ на общ. основ. Условное осужденіе и предварит. защита.	Автономія Польши съ представ. сеймомъ
12. Партія свободомыслящихъ.	Законод. корпусъ долженъ быть выборнаго характера и имѣть всю полноту законод. власти Система палатъ и предѣлы вето не предрѣшены	Четыре свободы. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе. Избир. право женщинъ	Принуд. отчужденіе казенн. и частновлад. земель посредствомъ выпуска госуд. рентъ. Образованіе госуд. зем. фонда	8-ми час. раб. день Госуд. страхованіе Охрана дѣт. и жен. труда	Прогресс. обложеніе; уменьшеніе косв. налоговъ	Послѣдств. отдѣленіе церкви отъ госуд. дарства.	Свободный судъ Условное осужденіе и предварит. защита. Администр. юстиція.	Ограниченныя автономіи для окраинъ и болѣе полная для Польши
13. Радикальная.	Демокр. республика съ парламентарнымъ строемъ Одна палата Референдумъ	Четыре свободы Всеобщее, прямое, равное и тайное голосованіе Избир. право женщинъ	Образованіе госуд. зем. фонда съ миним. вознагражд. владѣльцамъ Установленіе предѣла частнаго владѣнія	Минимумъ социалист. программъ	Единый прогрессивный налогъ на доходы и наслѣдства			Широкая автономія окраинъ
14. Соціально-демократическая.	Демокр. республика Одна палата Самодержавіе народа	Одинаково съ радикал.	Соціализация земли теперь не осуществима Необходимо пролетаризированіе крестьянства	Максимумъ: обобщеніе средствъ производства Минимумъ: 8 ми час. раб. день Запрещеніе дѣт. труда вообще и жен. въ вредн. производ. Госуд. страхованіе и пр.			Выборность судей народомъ	
15. Партія социаль-революціонеровъ.	Демокр. республика Одна палата Народная инициатива и референдумъ.	Одинаково съ радикал.	Изъятіе револ. путемъ земель изъ частн. владѣнія и обращеніе ихъ въ общинное владѣніе.				Выборность судей народомъ	

сохраненіе государственныхъ льготъ промышленности въ видѣ государственныхъ субсидій, казенныхъ заказовъ, ссудъ изъ государственнаго банка, за устраненіе государственнаго вѣдѣтельства въ рабочій вопросъ, за ограниченіе рабочихъ стачекъ и т. д. Всѣ эти и подобныя пожеланія господствующихъ классовъ теперь почти не выступаютъ въ ихъ политическихъ программахъ. При такихъ условіяхъ давать подробную характеристику нашимъ партіямъ было бы безполезнымъ трудомъ. Вотъ почему мы поставили себѣ задачей въ сжатой, по мѣстамъ даже въ конспективной формѣ выяснить тѣ теоретическія основы, на почвѣ которыхъ возможны главныя разногласія между политическими партіями, чтобы такимъ образомъ облегчить читателю сознательное отношеніе къ политическимъ программамъ и дать нѣкоторый критерій для оцѣнки ихъ. Тамъ гдѣ критерій представлялся намъ болѣе или менѣе установленнымъ, мы дѣлали свои заключенія о достоинствѣ существующихъ программъ; гдѣ онъ казался намъ спорнымъ, мы предоставляли судить самому читателю.

В. Мышцынъ.
